

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

РОССИЯ
2020 ГОЛГОФА

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Александр Афанасьев
Россия 2020. Голгофа

«ЭКСМО»

2013

Афанасьев А. Н.

Россия 2020. Голгофа / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2013 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

2020 год. Республика Татарстан. Ваххабизм пустил глубокие корни в сердце России. То, что вчера казалось почти невозможным, стало гибельной реальностью. Братские народы, четыреста лет мирно жившие бок о бок, стали врагами. Вспыхнула новая Гражданская война, по масштабам напоминающая ту, что отгремела в двадцатом веке. И как обычно, на этой войне не было героев и антигероев, а было лишь бессмысленное братоубийство... Но кто виноват в этой войне? Русские? Татары? Кто стоит за кулисами резни, управляя исламистскими боевиками, как послушными марионетками? Ответ есть, но он далеко не всем может понравиться...

© Афанасьев А. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Александр Афанасьев

Россия 2020. Голгофа

© Афанасьев А., 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Лег над пропастью русский путь
И срывается в бездну даль.
Русский русского не забудь.
Русский русского не предай.

Не ступили бы мы за край,
Да подталкивают враги.
Русский русского выручай.
Русский русскому помоги.

Грелась тьма у моих костров.
Никого корить не берусь.
Но вставая из тьмы веков,
Русской силой держалась Русь.

Отслужила свое хлеб-соль.
Мир не стоит нашей любви.
Русский русскому, как пароль,
Имя нации назови.

Перешел в набат благовест,
И нельзя избежать борьбы.
Могут вынести русский крест
Только наши с тобой горбы.

Русским духом, народ, крепись
У последней своей черты.
Русский русскому поклонись.
Русский русского защити,

Душу русскую сохрани,
Землю русскую береги,
В окаянные эти дни
Русский русскому помоги!

*Владимир Борисов
Русский – русскому*

Эта книга написана на злобу дня. Как ответ на слова одного русского националиста, который считает, что нам надо уйти с Кавказа и обратить свое внимание на братские, славянские республики – Украину и Белоруссию. Точно таких же взглядов придерживаются и люди с другой стороны политического спектра – либералы, левые, это я вижу в своем ЖЖ. Удивительный и, на мой взгляд, гибельный для России консенсус.

Я прошу вас всех, тех, кто будет читать эту книгу, задаться одним простым вопросом: а зачем наши прадеды и деды покоряли Кавказ, громили Крымское ханство? Ведь у России уже тогда было достаточно земли, Россия даже без колоний стояла в первом ряду крупнейших государств мира, в одном ряду с Англией, крупнейшей колониальной империей, которая когда-либо существовала! Ради чего они проливали кровь в этих неплодородных, проклятых горах?

Я отвечу вам на этот вопрос. Ради того, что иначе – нельзя. Они понимали то, чего не понимаем мы: если ты не идешь на войну, война придет к тебе в дом. Если ты не пойдешь, не замиришь Кавказ – Кавказ придет к тебе, отнимет твою землю, твою семью, твою жизнь. С тех пор мало что изменилось – просто сейчас набеги не конные, кавказцы приезжают в Москву и совершают там преступления. Режут, грабят, убивают, насилюют. Кому надо – тот найдет конкретные дела, право же – не буду приводить здесь конкретные примеры, список длинный. Наши деды шли на Кавказ ради того, чтобы установить там наш, русский закон, русский порядок, чтобы выжечь бандитские гнезда, уничтожить бандитских атаманов и их ватаги и принести в конечном итоге мир на русскую землю. И им это удалось: только когда разгромили Крымское ханство, только когда оно перестало существовать – прекратились регулярные набеги на Москву. Мы же словами «отделим Кавказ» не только предаем своих дедов и прадедов, предаем пролитую там кровь – мы обрекаем наших детей на то, чтобы жить под постоянным страхом похищения, убийства, бандитского набега. Мы снова продаем право первородства за чечевичную похлебку. За сытный кусок, за спокойствие сейчас – некоторые из нас готовы продать будущее своих детей и своей Родины.

Но здесь я не буду писать про Кавказ.

Я хочу обратить ваше внимание, господа, на то, что происходит совсем не на Кавказе. На то, что происходит почти в самом центре России – в Татарстане. О том, что новый Кавказ потихоньку зреет там. Что он вызревает у нас под боком, в течение уже двадцати лет, вызревает тихо, но неотвратимо. Я приведу только несколько строк из статьи корреспондента «Московского комсомольца» Дарьи Асламовой, чтобы всем стало понятно, до чего ситуация дошла уже сейчас.

– На юге Татарстана и особенно в соседней Башкирии есть лесистая и гористая местность, где можно укрыться. Для ваххабитов административных границ не существует. В наших условиях делается упор на создание городской партизанской гериллы, которая запугивает традиционное духовенство путем терактов. Идет активная религиозная миграция кавказцев в Поволжье. Переезжают с Северного Кавказа именно «лесные» или люди, связанные с ними. Почему? В прошлом году Доку Умаров, лидер ваххабитского виртуального государства Имарат Кавказ опубликовал фетву, что татар надо поднимать на джихад. Пора, мол, фронт вынести за пределы Кавказа. Он призвал моджахедов осуществить хиджру (переселение) в «вилайет Идель-Урал». «Лесным» идея пришлась по душе. Ваххабитов здесь не преследуют. Прекрасные условия. На людей религиозных смотрят с почтением, в различия и тонкости не вникают. Молится человек, ну и отлично. Здесь «лесные» начинают проповедовать в мечетях и женятся на местных татарках, которые обычно становятся вторыми женами.

Субкультура джихада стремительно входит в моду в волжских городах. Молодые люди слушают известного чеченского барда Тимура Муцураева, который, кстати, поет на русском.

Его часто называют Высоцким ваххабизма. Это такой исламский шансон – описание мученичества моджахедов, подвиги шахидов, романтика подполья. Модным считается кавказский стиль поведения – агрессия, нахрапистость, вызывающая резкость манер. Доходит до смешного: татары учатся танцевать лезгинку!

«Вилайет Идель-Урал». Это есть уже сейчас. Это – наше будущее, если мы не проснемся, не посмотрим, что происходит, и не остановим это. Одна из самых благополучных, экономически развитых и процветающих республик России может в течение нескольких лет превратиться во второй Дагестан в самом сердце России.

Как это произойдет? Да просто. Дагестан ведь тоже не всегда был таким, там на пляже, рядом с отдыхающими стоят экранопланы, обломки великой империи – и те, кто отдыхает, даже не представляют, что это за птицы, медленно разрушающиеся под каспийским солнцем. Начнутся теракты. Начнется запугивание и выдавливание русских – и не только русских, но и татар, которые против всего этого. Начнется криминал – когда бизнесмен вдруг получает флешку, а на флешке человек в черной маске и на фоне черного флага рассказывает ему, в какую школу ходит его дочь, и о том, что немусульмане на мусульманских землях должны платить джизью, налог на неверных. Бизнесмен испугается и уедет, работы не станет, все больше и больше молодых людей будет оставаться без работы, а отсюда прямая дорога в подполье. Подполье существует не просто так: найдите эту статью, прочтите ее. За всем этим стоят вполне конкретные интересы, конкретная страна: Саудовская Аравия. Лопающаяся от нефтедолларов ваххабитская монархия, которой нетрудно выделить и миллиард долларов на финансирование подполья в России. А реальность нынешнего мира такова, что за миллиард долларов можно поджечь даже сверхдержаву.

Я обращаюсь к русским и говорю им: вставайте! Набат уже бьет, бандиты, террористы, ваххабиты – уже здесь. Совсем рядом, в центре России. Если мы, русские, не объединимся, не возьмемся за руки, не наведем порядок – у нас не будет страны. Не будет России.

Я обращаюсь к татарам, которые живут в Татарстане и за его пределами, и говорю им: вставайте! Бандиты уже в вашем доме. Не обращайте внимания на то, что они религиозны, не верьте тому, что они говорят. Я не раз был в вашей республике и знаю ваше гостеприимство. У вас хороший город и хорошая жизнь. Вы хорошо трудитесь и хорошо живете. Неужели вы позволите отнять у себя все это? Не верьте, не соглашайтесь, не идите на компромисс, не обменивайте нормальную жизнь на воздушные замки. Не позволяйте чужакам, пришедшим с лживой улыбкой, поджечь ваш дом. Изгоняйте чужаков туда, откуда они пришли. Мы, русские, и вы – татары – жили в одной стране четыреста лет, и жили мирно. Неужели сейчас мы позволим кучке лесных бандитов отнять у нас мирную жизнь?

Я обращаюсь к русским националистам и говорю вам: вы вообще о чем, братья? В чью только голову пришла идея бросить Кавказ? Вы что – не видите? Не понимаете? Кавказ УЖЕ СЕЙЧАС – идет к нам. Он уже пришел, пришел в самый центр России. Татарстан, Башкирия – что дальше? Александр Александрович Тихомиров, он же Саид Бурятский – Че Гевара русского джихада. Это уже здесь, от этого не отгородиться стеной, не отгородиться границей, это не остановят никакие границы. Мы сможем жить без Кавказа, но Кавказ не сможет жить, не грабя нас. Если мы готовы взять власть в стране, мы должны быть готовы навести порядок на Кавказе, иначе никак. Как вообще вы додумались до такого – оторвать кусок от своей РОДИНЫ?

Я обращаюсь к татарским националистам, к националистам Идель-Урал (уральским самостийникам) и говорю им: хорошо подумайте, что вы сейчас делаете. Кровь в Нагорном Карабахе начала литься с того, что местным захотелось более мощную телевизионную антенну, чтобы принимать передачи из Армении. Конфликт не решен и сейчас, более того – через пятнадцать лет мира там вновь вот-вот может начаться война. Неужели это стоило того? Неужели вы думаете, что отделитесь вы – и ваххабиты будут с вами разговаривать? В исламе асабия

(национализм) один из самых опасных грехов, наказание за это – удар мечом по шее. Это ждет вас – если вам не дай бог удастся отделиться.

Я обращаюсь к либералам, которые с белыми лентами стоят на площадях. Да, я знаю, что наверху много продавшихся и оскотинившихся ублюдков, но большинство из тех, кто идет на Болотную площадь, просто хочет жить в лучшем государстве, чем то, в котором они живут сейчас. И я говорю вам – вы имеете право на свое мнение, но посмотрите на тех, кто вас ведет. Вас ведет Навальный, который ни слова не хочет говорить о том, что он намерен делать – при этом он явно нацелен на власть. Это еще полбеды. А вот Сергей Удальцов, которого вы считаете героем, «светится» на митингах в Казани в компании не только татарских националистов, но и откровенных ваххабитов, бандитов и террористов. Неужели ради победы вы готовы развалить страну? Неужели ради победы вы готовы объединяться с теми, кто считает вас неверными и готов вас резать? Неужели вы готовы идти вслед за людьми, которые ведут Россию в пропасть? Я не верю в это.

Эта книга – для всех. Я хочу показать, что может произойти, если долго раскачивать лодку и в конце концов – раскачать ее. Это – в какой-то степени – мой джихад. Пока словом. Точнее – это антиджихад...

Пролог

И где бросок, и где удар,
Где сердце – тетивой
Последний сон, предсмертный дар,
Последний выбор твой.

Есть плаха, есть последний бой,
Есть право выбирать —
И будет боль твоя с тобой,
Но после – будет рай.

*Александр Уваров
Кавказ-Центр*

*Конец мая 2020 года
Россия, Ижевск
Татар-базар*

Начиналось это утро как обычно. Как обычно в последнее время...

Хорошо, что у них теперь был амир. Самый настоящий амир, не какой-то там засиженный уголовник и не начитавшийся из Интернета сопляк, а амир, прошедший через джихад в Имарате Кавказ и теперь приехавший на свою Родину, чтобы избавить ее от сапога русского оккупанта. Без этого было... как-то не то. Да и перед стариками стыдно, им не объяснишь про джихад. Заскоружные они, старые, привыкшие к господству неверных. Говорят, стариков надо уважать, но как уважать, если они привыкли жить под русским сапогом, а? Как уважать, если они называют воинов, вышедших на пути Аллаха, бандитами?

Хорошо, что амир сказал, что почитание Аллаха – выше почитания стариков и слово Аллаха – важнее слова стариков. А то совсем нехорошо было бы. Стыдно...

Был конец мая две тысячи двадцатого года. Вообще-то это было двадцать третье Рамадана одна тысяча четыреста сорок первого года хиджры, по правильному календарю, по мусульманской лунной хиджре, но календарей не было, да и как-то привычнее было измерять

свои дни на Земле старыми месяцами и годами. Потому что если делать по хиджре, то непонятно даже, когда собственную днюху праздновать. Все так и делали...

Это был год конца Русни. Год начала перемен, какие бывают только раз в тысячелетие, таких же перемен, как во времена Газавата или когда мусульмане захватили Константинополь и уничтожили Восточный Рим. Долгие сорок лет джихада, начавшиеся еще в восьмидесятые, в Афганистане были близки к концу, и мусульмане были в шаге от того, чтобы установить Шариат Аллаха на всей территории Русни. И заполучить ядерное оружие, чтобы покарать огнем всех неверных, где бы те ни находились, чтобы свершилось пророчество о Часе и настало время Суда. Где каждый получит по заслугам.

Но у молодых муджахедов в Ижевске были и другие, более приземленные цели...

Какие? Немного терпения, об этом чуть позже.

Когда на землю Поволжья пришел джихад, сначала они не знали, что делать. Были сами по себе, у них даже Коран был только один на всех, а других книг, какие нужны были моджахеду, не было вовсе. И оружия почти не было – только два ружья, еще Ислам у отца стащил одно потом, три травмата, палки и ножи. Для джихада – совсем не густо.

Работы почти не было, народ собирался у ижевской соборной мечети – теперь была и другая мечеть, новая, в центре города, за рынком, но люди собирались тут, потому что старая соборная мечеть была на Татар-базаре, прямо в центре татарского анклава в Ижевске. А ехать в центр... и денег не особо много, да и нехорошо как-то.

Старики, взрослые люди с тревогой вслушивались в новости, спорили, обсуждали, жадно слушали любого очевидца, какого удавалось найти. Не одну сотню лет – татары, удмурты, русские – жили вместе в этом родниковом краю. Селились рядом, пахали хлеб, работали на заводах. И когда Удмуртию присоединили к Татарстану – мало кто из русских стал протестовать, и из удмуртов тоже. Такая мысль витала в воздухе давно: республика маленькая, управление ею не очень хорошее, промышленность растащили в девяностые, а про Татарстан если что и слышали, так то, что там Шаймиев строительство развивает, всю Казань перестроили, что все заводы работают, что бизнес не обирают, что чиновничество не такое жадное. «Неплохо было бы и нам так жить!» – так думали все, и русские, и удмурты, и татары. А сейчас – когда Татарстан провозгласил суверенитет и отделился от России – ижевские татары не хотели идти в центр еще и потому, что чувствовали стыд перед своими соседями: перед русскими, перед удмуртами, перед другими татарами. С ними никто не советовался, все решили в Казани. Да и не хотелось идти в новую мечеть, там народ темный, подозрительный. Азербайджанцы с рынка, таджики, еще какие-то... непонятно какие. Уж лучше здесь, в родной, привычной мечети...

А было все хуже и хуже. Деньги непонятно какие. Работы нет. Доллары уже по пятьсот с лишним на базаре меняют. Кто-то уже бросал все и уезжал куда глаза глядят. Кто-то скупал квартиры за бесценок. Бывало уже и такое, что вышвыривали силой.

Потом грянула революция в Москве, и покатило по необъятной русской земле красное колесо...

У пацанов было свое. Еще до революции – ходили драться. Как-то так получилось, что молодежь раскололась первая: татары собрались в татарские группировки, русские – в русские. Удмурты даже свои банды не смогли собрать, так и присоединились к русским. Дрались пока на палках, на камнях, на травматах. Милиции денег не платили, она только и существовала за счет того, что обирала торговцев. Делать это становилось все сложнее и сложнее, а на пацанские драки внимания никто не обратил.

Тогда – перед самой революцией – к ним приехал амир Ильяс.

Он был не таким, какие бывают амиры на Кавказе... скорее он был похож на чеченского боевика из девяностых: упитанный, бородатый, уверенный в себе, завидный жених – когда такие спускались с гор, полсела сбегалось, выдать дочь за боевика считалось удачей.

Это потом все изменилось... в середине десятых, на двадцатый год джихада, обычный амир – это нервный, с желтым от давно посаженных бесчисленными ночевками на холодной земле почек лицом и сальной бородой, нервно хватющийся за автомат на каждый звук, уставший от бесконечной охоты, смены явок, перемещения по лесам, предательства. Но Ильяс захватил только самый конец джихада на Кавказе – когда Русня уходила, а кавказские моджахеды шли следом, кусая за пятки. Он был сыном победы, плодом победы – и приехал сейчас сюда, на свою родину, чтобы и здесь установить Шариат Аллаха. У него был автомат, патроны, мешок с нужными моджахеду книгами и деньги – несколько десятков тысяч долларов США. Солидно по любым меркам.

Каким бывает настоящий джихад – он не знал и рассказать пацанам не мог. Да они особо и знать не хотели. Для них это было круто, вызывающе нагло и дерзко, по-пацански. Про то, что джихад – это смерть близких друзей, постоянная погоня за спиной, предательство – они знать не хотели.

Ильяс собрал их и сказал, что не дело моджахеду жить дома. Какой же это джихад тогда получается, если моджахед живет со своими родителями. И они послушались его, сняли на деньги из небольшого общака дом, в нем и прожили до революции. После революции они перебрались в особняк в коттеджном поселке рядом с Татар-базаром. Владельцу они отрезали голову.

Потом Ильяс сказал им, что не дело моджахеду ходить и драться, тем более драться с неверными. Моджахед не должен драться – моджахед должен убивать.

Тогда они забили стрелку одной из самых дерзких подростковых группировок города – Металлургу. Бывали времена, когда они собирались на замерзшем зимой пруду – татары с одной стороны, а Металлург с другой, потом начинали драться. Теперь они забили на нейтральной территории, в Генеральском саду.

Ильяс был с ними. Металлурговские приехали на десяти машинах, в основном старые «девятки» и «десятки» – их было больше, у них были палки и травматы. Но Ильяс бросил гранату и открыл огонь из автомата по машинам. Русисты этого не ожидали и бросились бежать по улице Максима Горького в свой район, бросив три машины, убитых и раненых. Ильяс приказал каждому из них взять нож и добить раненого русиста. И они сделали это, а кто отказался, тот стал шестеркой, шипаком.

Тогда они поняли главное – если у тебя есть сила, то ты должен быть готов ее применить. Немедленно и без разговоров. Бить со всей силы, не задумываясь о последствиях. И если у тебя есть сила, если ты готов убить – противник это видит и уступает тебе без боя. Именно поэтому джихад, про который десять лет назад никто не слышал, теперь шел на половине европейского континента и по всей Африке...

Потом Ильяс сказал, что «нехорошо, когда у моджахедов нет оружия, что у каждого моджахеда должен быть автомат». Тогда они разработали план, подстерегли в засаде ментов, убили их и раздобыли три автомата. Потом напали на отделение полиции в Якшур-Бодье...

Потом Ильяс сказал, что надо раздобыть денег на джихад. А для этого – надо брать закят с правоверных, джизью с неверных и сделать так, чтобы у каждого моджахеда была хорошая машина, потому что моджахед должен жить лучше любого правоверного и тем более – лучше любого неверного. Решением этой проблемы они сейчас и занимались...

Почему они пошли за этим человеком? Почему они отринули то, что сказали им родители, что сказали им старики, что говорил мулла в старой татарской мечети? А вот представьте себе – вам семнадцать лет, и вы каждый день слушаете муллу, родителей, стариков о том, что должны хорошо учиться, потом работать, возвращаться домой не поздно, и так далее и тому подобное. А потом кто-то другой приходит и говорит вам, семнадцатилетним пацанам, что им принадлежит весь мир. Что они сами должны взять то, что им понравится. Что они сами

должны устанавливать законы, а не подчиняться тем, которые написаны до них. Ну, и кого вы будете слушать?

Правда, этот человек не сказал, какова будет плата за этот новый мир. А плата всегда – жизнь.

Вчера – на обратном пути из города, в самом начале улицы Азина они увидели девушку. Это была «русский бляд», она не носила никаб – положенное по шариату одеяние, и значит, с ней можно было делать все что угодно. Ее привезли в коттеджный поселок и все вместе изнасиловали. Потом пристегнули наручниками к трубе в подвале. Что с ней делать, они не знали, потому что больше она ни у кого вожделения не вызывала, а кормить ее тоже не хотелось. Решили, что сегодня они попробуют найти еще один «русский бляд», и если найдут, то эту зарежут, а если нет – придется пока довольствоваться этой б... Ильяс сказал, что каждый правоверный может иметь четырех жен и сколько угодно наложниц – рабынь. Мысль про рабынь молодым моджахедам понравилась.

Так за месяц в пригороде Ижевска, в коттеджном поселке возникло то, что на Кавказе сплошь и рядом. Большой дом, оружие, бойцы. В подвале заложники, с доходов от которых кормят бойцов. Пока заложников не было – бардак был, да и денег от джизьи хватало. Но азеры тоже собирали джизью, и могло так получиться, что скоро придется брать заложников.

Утром они совершили положенный намаз, потом поели, потом Ильяс поставил боевую задачу. Надо было вывезти склад, который они нашли в Ключевом поселке, Ильяс сказал, что это дорогие вещи и он сможет выгодно толкнуть их на Кавказ. Оборудование для бурения, в Ижевске его делали. Правда, ехать через весь город, но это ничего. Весь джамаат он разделил на две группы – одна должна была ехать туда на «Газели» и на «Фиате», встать там и смотреть, чтобы никто не позарился на эти вещи. А сам Ильяс с другой половиной джамаата должен был найти машины, рабов, чтобы грузить, и приехать туда следом. Думали – стоит вывозить или не стоит, может, просто склад охранять, но решили все же вывезти...

Первым должен был идти Нагим со своими людьми. И Ильяс со своими. Всего шестеро в каждом джамаате, джамаат был разбит на шестерки, потому что опыт джихада на Кавказе показал, что это есть наиболее правильное разделение людей в джамаате, шестерка мобильна и может иметь сразу два вида группового оружия, например, пулемет и автоматический гранатомет. Ни того, ни другого у джамаатов не было, но это пока.

Нагим и его люди ездили на «Газели», с которой они «ссадили» русиста, обычном фургоне. На водительском сиденье еще оставались следы крови этого русиста...

– Харэ на газ давить, да! – выверился Нагим, сидевший на пассажирском сиденье, справа – впереди. Сын водителя, он сам мог бы вести машину, но это было бы ударом по его авторитету. Командир ничего не делает сам – командир командует.

Сидевший за рулем Милленур виновато пожал плечами. Он был туповат и потому с детства следовал за Нагимом, который жил неподалеку. Да Нагим и побогаче был – у отца две фуры, на одной из них сам ездит, на другой – дядя. Но Милленур был сильным как бык, ходил в качалку и терпеливо сносил все наезды Нагима, поэтому Нагим держал его рядом с собой...

– Осторожнее ездить надо. Подвеску перебирать заставлю... – сказал Нагим, неосознанно копируя отца.

Они ехали по татарбазаровской улице, плохо мощенной и ухабистой. Люди – женщины, идущие в магазин, чтобы посмотреть на новые ценники и, возможно, что-то купить, старики – поспешно отступали, прижимались к стенам, к оградкам, видя «Газель» со следами от пуль на крыле...

Нагим посмотрел в большое, лопухое зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что машина Ильяса следует за ним...

Выехали на Азина – узкая, длинная, как кишка, с резкими поворотами и затяжными подъемами улица, идущая через весь Татар-базар и выходящая на стратегическую трассу

Ижевск – Казань и дальше на Москву. Дорога была всего двухполосной, то есть одна полоса в каждом направлении, и в мирные времена она всегда была забита транспортом. Сейчас транспорта было совсем не много, бензин был совсем неподъемен по цене, да и не купить нигде – такие, как они, заливались бесплатно, а владельцы заправок от этого сворачивали торговлю. Зато было другое – если раньше все ларьки, киоски снесли, то теперь они появились как грибы после дождя и на остановках, и в других местах. Торговали всем чем угодно, в основном одеждой и самодельной, немудреной едой. Увидев идущую машину с простреленным крылом, отворачивались, нервничали, некоторые прикрывали свой товар. А торговали многим, в том числе и харамом...

Нагиму нравилось, как люди его боятся. Ему было всего девятнадцать лет, и в другое время он стал бы кем-то – с машиной, с домом – годам к сорока, если вообще стал бы. А тут в девятнадцать лет он был *хозяином*. Хозяином этого района, этого города, этой земли. Ильяс научил его – «если тебе что-то нужно: иди и возьми это. Неверные слабы, разобщены и боязливы, чаще всего они просто предпочтут не нарываться на конфликт и промолчат. Твой путь – это путь Аллаха, и потому будь готов принять шахаду в любой момент, ведь моджахеда ждет рай, в то время как неверного на том свете ждет огненный ров, и вот ему-то надо бояться...»

Проехали перекресток. Проехали мимо районной администрации – теперь там располагался ТОЦ¹. Дальше дорога резко уходила вниз и вправо, к железнодорожным путям...

Проехали мимо бывшего казино «Шарк клуб», превращенного в гостиницу. Прогрели через железнодорожные пути – тут они шли парой, одни за другими. Проехали мимо бывшего завода «Редуктор», превращенного в торговый центр – там стоял смотрящий от общины Ильгиз со своими людьми. Махнули друг другу рукой и даже улыбнулись, хотя отношения между ними были не очень. Дело в том, что Ильгиз – бывший мент, у него частное охранное агентство, обученные охранники, оружие – теперь он владелец большинства тех мест, которые раньше только охранял. Но вот грабить он не давал и не платил ни джизью, ни закят по праву сильного. Ильяс сказал, что они его потом, позже убьют, пока убивать других татар нельзя...

У «Ижстали» повернули направо, в гору, на знаменитый Долгий мост, один из символов Ижевска. Тут раньше пробки постоянно были, несмотря на то, что дорога широкая, но сейчас пробок не было. Машин мало было, и они газанули, увеличивая скорость. Дальше надо было свернуть направо, на Карла Маркса, чтобы потом на круге уйти на Удмуртскую...

Нагим насвистывал, придерживая коленями короткоствольный автомат.

Место тут опасное, перед поворотом надо сбрасывать скорость – поворот резкий, можно и перевернуться ненароком. Милленур лихо вылетел с виража на восьмидесяти, и тут в ветровое стекло влетел камень. Нагим как раз включил погромче музыку – Тимур Муцураев пел про джихад, про правоверных и про бои с русистами, и он подпевал, притоптывая ногой. Надо было тормозить... но машина почему-то не тормозила, так и шла с горки, еще и разгоняясь. Только когда машину ощутимо повело влево, Нагим повернулся и увидел, что в лобовом стекле как раз напротив водительского места аккуратная дырка с разбегающимися от нее лучами, и через стекло ничего не видно, потому что оно еще и красным сильно заляпано... Машина все сильнее заворачивала влево на скорости, грозя перевернуться, Милленур лежал, навалившись на руль, наверное, мертвый. Нагим не знал, что в таком случае делать, и сделал то, что первое пришло в голову: схватился за руль и изо всей силы потянул на себя. Но тут такая же дырка появилась уже напротив него в лобовом стекле, и он уже не мог выправить машину. Неуправляемая «Газель» подломила на правый бок и, кувыркнувшись, поползла по асфальту с искрами и душераздирающим криком рвущегося металла...

Вторая машина – старый «Фиат Дукато», который тут рядом собирали в Елабуге, начал тормозить, когда спереди, от недавно построенного на месте снесенных деревяшек торгового

¹ Татарский общественный центр – известное гнездо сепаратизма.

центра, ударил ручной пулемет. Легкие, быстрые пули пробили кабину водителя, и машина пошла юзом...

– Пулемет! Пулемет!

Сидевший сзади Мирхам рванул за ручку боковой двери, вывалился наружу, но скорость еще была пятьдесят, не рассчитал и закувыркался по асфальту, потеряв автомат и что-то крича. Кричал и раненый Зайдулла, а Джамиль сидел на полу грузового отсека и громко молился Аллаху, истерически выкрикивая нужное ду'а о том, что правоверному не нужно никакого защитника, кроме Аллаха. Джамиль был из них самым верующим, он даже русскую б... вчера отказался насилловать из-за этого. И сейчас он ожидал воздаяния за свое должное поведение, но воздание не приходило. Очевидно, правоверному помимо заступничества Аллаха не помешало бы раздобыть где-нибудь бронежилет, но он этого не знал и сейчас расплачивался...

На опустевший перекресток выехали две машины: небольшой корейский внедорожник и милицейский «Форд Фокус» с молчащей сиреной. Из машин полезли вооруженные люди...

– Ястреб, я – Первый. Ястреб, я – Первый, как слышишь? – вышел в эфир командир группы, высокий, наголо бритый здоровяк в камуфляже «Серый волк».

– Отлично слышу... – раздался голос снайпера, – вижу вас на одиннадцать.

– Принял. Движение есть?

– Так точно, на двенадцать. Дух пытается скрыться, бежит к ТТУ².

– Делай.

– Есть.

Выстрела не было слышно, но хромающий, приволакивающий ногу, потерявший автомат и думающий не о джихаде и не о шахаде, а о том, как спастись, ободранный ваххабит полетел на асфальт от сильного удара пули в спину.

– На минус.

– Секи мост. Пойдем слева.

– Ястреб, принял...

– Яр – со своими на месте. Секите Маркса. Димон, смотри по Горького. Остальные вперед.

Небольшая группа двинулась вперед, двинулась грамотно, прикрывая друг друга, отслеживая каждый свой сектор и не отвлекаясь на чужой. Обвешанные «по самое не балуй» гладкоствольные Вепри указывали на то, что помимо милиции в облаве на волчат участвуют и равнодушные граждане. Впрочем, гладкий Вепрь та еще штука. Особенно со «спортивным», барабанным двадцатизарядным магазином...

– Движение справа! – резко сказал один из «спортсменов», у которого на поясе висели длинные, десятизарядные магазины со спортивными стальными зажимами...

– Тима, Лузга, проверьте. Осторожно.

– Есть.

В отличие от «Газели» «Фиат Дукато» не перевернулся, несмотря на то, что пострадал сильнее. По мере приближения был все лучше слышен нудный и мерзкий речитатив на арабском...

– Командир...

– Стоп.

– Кончаем?

– Залечь!

Бритый здоровяк приблизился к фургону – дверца была распахнута, какой-то урод нудно долдонил первую суру Корана на арабском. На нем была простая рубашка, и было видно, что пояса шахида на нем нет.

² Трамвайно-троллейбусное управление, оно как раз у самого Долгого моста.

– Выйти из машины, руки на капот нах!!!

*...маалики иауми-ддин...ияаака н'абуду уа эияака наста'эин...*³

– Б... вышел из машины!

... эхьдина-ссыраата-л-мустакъим... ссыраата-ллазъина ан'амта алахъым гъа-ири-л-магъдууби алахъым уа ла ддъаалин...

Капитану надоело это слушать, он протянул руку и вытащил богомольного молодого моджахеда из машины. В Махачкале милиционер никогда не осмелился бы сделать такое, там без-опасно приближаться только к трупам, живыми уже давно никто и никого не берет. Но тут обе стороны еще были непуганные...

Для профилактики капитан ОМОНа влепил расслабляющий, а когда начинающий моджахед растянулся на асфальте – еще и поддал ногой...

– Так, б... По-русски понимаешь? Ахъа г'асскхи мотт буйци?⁴

В ответ правоверный продолжал что-то бубнить.

– Ясное дело...

Капитан достал револьвер и аккуратно выстрелил правоверному в каждое колено. Правоверный взвыл, как грешник в аду...

Да... револьвер был травматическим, модель «Гроза». Такой покупали многие, в полиции, в ОМОНе... Ситуации всякие бывают, если применять боевое оружие, потом не отпи-шешься, а то и в суд пойдешь. А травмат... прокуратура даже не проверяет случаи его приме-нения, считается, что в данном случае применения оружия просто не было.

Чтобы бандиту лучше думалось, капитан поддел его ногой.

– Слышь, правоверный. Мне плевать, по ходу, знаешь ты русский или нет. Если не зна-ешь – тебе же хуже. У нас там, по ходу, свинокомплекс «Восточный». Туда тебя отвезем и свиньям скормим. Секешь тему, козел?

Подбежал один из милиционеров. Тьфу, полицейских...

– Тащ капитан, в «Газели» все чики-пуки. Двое двухсотых, четверо трехсотых, тяже-лые...

Капитан кивнул.

– Глянь, нельзя ничего сделать? Молчит, как партизан на допросе.

– Есть...

Полицейский посмотрел на подвывающего от боли у ног моджахеда, поддал ему ногой, для профилактики. Потом нагнулся, обшмонал карманы, достал дорогой коммуникатор. Поты-кал, нашел номер, затем достал свой. Сотовая связь еще работала...

– Але... Лен, ты? Леночка, родная, сделаешь детализовку прямо шас? Ну да, да... работу знаешь. Давай... диктую...

Из расстрелянной снайпером «Газели» моджахедов уже вытащили. Рядом положили их оружие, в том числе два короткоствольных автомата, в просторечье «ксюхи».

Капитан посмотрел на автоматы. Затем на своего подчиненного.

– Они самые... – ответил на невысказанный вопрос подчиненный, – я по связи пробил. Девятнадцатый экипаж они, похоже, кончили...

Капитан посмотрел на бандюков. Затем расчетливо ударил одного из них в бок, по ране. Тот захрипел.

– Тащ капитан...

³ Первая сура Корана, аль-Фатиха, транскрипция с арабского.

⁴ Ты говоришь по-русски? (чеченск.)

Милиционер показал на собравшихся вокруг людей. Движение почти встало... Хрен знает, что будет, если телеги начнут писать. Даже по нынешним, откровенно беспредельным временам.

– В наручники их и в багажник. Дим, подгони фургон.

– А если подохнут?

– Подохнут – закопаем. И машины, б... уберет отсюда кто-то или нет?

– Тащ капитан... – подбежал милиционер, которого оставили у «Фиата», – мобила его.

В кармане нашел.

– И что?

– Я детализовку сделал! Знаю, где они пасутся...

Глаза капитана нехорошо заledenели.

– И где?

– Аллах Акбар!

Бронетранспортер, своим острым носом только что обваливший часть кирпичного забора, отпрянул, словно испугавшись этих слов...

Во двор уже летели шашки, отплевываясь белым, густым дымом.

– Приготовились. Как эти шакалы пойдут – стреляйте все! Все разом, просто стреляйте, даже не глядя куда.

– Надо воды! Воды!

Амир Иса, выглянув на улицу, тут же отпрянул. Снайперская пуля ударила в стену...

– У нас эта б... есть! – прокричал кто-то. – Надо ее щитом поставить!

– Русисты и ее пристрелят.

– Нет... Иди, приведи...

Пацан, который еще не отрастил бороду, но уже гордо носил автомат, побежал к лестнице, но тут же вынужден был залечь. Снайпер едва не достал и его.

– Они нас всех перебьют! – закричал Сулейман, самый младший из всех, ему было только лишь пятнадцать с небольшим. – Почему они не говорят с нами?

– Они боятся...

– Да?!

Стукнул выстрел. Сулейман закричал, и Ильяс вторым выстрелом добил его.

– А если кто будет вносить смуту в умму, то ударьте его мечом по шее, – сказал он, – мы можем сегодня принять шахаду, если того пожелает Аллах. Мы можем остаться в живых и дальше идти по пути джихада. Но клянусь Аллахом, сегодня с нами не произойдет ничего такого, что не предопределено Аллахом. Поэтому сражайтесь и умирайте как мужчины...

Артур, парень, которого послали за заложницей, спустился в подвал по винтовой лестнице ставшего враз чужим дома. Русская б... лежала в углу, грязная, не вызывающая никакого вожделения. Увидев Артура, она зашевелилась, стараясь спрятаться. Это вселило хоть немного уверенности в парня, который не хотел умирать, но знал, что, скорее всего, в течение ближайшего часа умрет.

– Вставай, с...а! – сказал он по-русски и отстегнул наручник.

Женщина не вставала, она жалась к стене, не понимая, кто она и что она делает...

– Вставай... – Он взвалил ее и начал толкать вперед, следя, чтобы она не скопытилась. Здоровая корова...

– Пошла...

Лестница была неудобной. Узкая, винтовая, совсем не приспособленная, чтобы переть по ней глупую русскую с...у, которая еле на ногах стоит. И самому подниматься, и еще ружье нести.

А в затемненном холле уже были гости. Гости в черных бронежилетах, в касках, которые не пробить пулей, и с автоматами, которые выплевывают в цель полкилограмма стали в минуту. С этими людьми не договориться, не поставить им условия, не вымолить прощения, и они не играют в открытую, грудь в грудь, кость в кость. Они пришли сюда, чтобы отнимать жизни профессионально, быстро и без какого-либо шанса ответить. Красные точки лазерных прицелов жадно искали цель, глупая русская с...а закрывала обзор и не давала стрелять, и Артур понял, что прямо сейчас умрет.

И он откинул женщину в сторону.

– Аллах Акбар!

Удивительно, но пули не убили его сразу, хотя и были точны. Последнее, что он слышал, был приказ, произнесенный кем-то: живыми не брать...

Бронетранспортеры ворочались в узких улицах коттеджного поселка подобно выбросившимся на берег китам. Пахло дизельной гарью, порохом и кровью...

Из разгромленного дома выносили тела. Складывали во дворе на брезент. Все это происходило и раньше, но в двух тысячах километров отсюда...

Собирались люди. Их не пускали за оцепление...

Лысый здоровяк попытался достать сигарету, но смял ее непослушными, онемевшими пальцами и с проклятием растоптал всю пачку. Он курил с десяти лет, сейчас вел беспощадную борьбу с этим с переменным успехом...

Крик привлек его внимание. У оцепления скандалили женщины. Он подошел послушать.

– Что здесь происходит?

Ответа не было. Две женщины, обе в истерике.

– Б... кто-то по-русски может сказать, что происходит?

– Это Айшат... – негромко сказал стоящий рядом старик, – у нее сын был... с этими.

– Сын...

Капитан хлопнул по плечу солдата, который сейчас поддерживал порядок на улице вместе с полицией.

– И пропусти этих троих...

Женщины бросились к разгромленному дому. Старик и капитан пошли следом, медленнее, как подобает мужчинам...

В разгромленном дворе трупы лежали в ряд. Женщины стали срывать брезент с каждого, потом с криком и визгом упали около одного. Та, что постарше, с криком билась на земле, потом бросилась на одного из милиционеров. Все это было и раньше, но в двух тысячах километров отсюда.

Если ты не идешь на войну – война придет к тебе...

– Закурить есть? – спросил капитан.

Старик достал пачку дешевых сигарет. Закурили...

– Видишь? – капитан показал на закутанную в одеяло женщину, которая сидела чуть в стороне под присмотром одного из штурмовиков, дожидаясь «Скорой». – Они ее сюда привезли, твари. Изнасиловали. За что, скажи, отец?

– Тело отдай, – сказал старик, – по шариату хоронить быстро надо. Не так, как у вас.

– А не положено, – с мстительной злобой в душе сказал капитан, – по закону тела виновных в терроризме родственникам не выдаются. И я имею право сделать все что угодно, хоть на куски порезать и спустить их в сортир.

Старик достал из кармана мятую горсть денег.

– Возьми, у меня больше нет. Но если хочешь, я отдам тебе дом.

– Ты что, думаешь, я из-за этого?

Старик посмотрел прямо в глаза милиционеру.

– Нет, не из-за этого. Я знаю, вы воевали там, на юге. Вы и они. Озлобились и принесли свою злобу сюда. И войну тоже. Ты уже наказал моего внука, но нас-то за что? Аллах уже наказывает нас. Поэтому подумай, что из-за этого, возьми и отдай мне тело моего внука.

– Он тебе внук?

– Да.

Капитан отпихнул руку с деньгами.

– Лузга! – позвал капитан одного из подчиненных и, когда тот подбежал, приказал: – Отдай им тело. Они скажут, какое...

Машинально капитан использовал не имя и не звание подчиненного, а боевую кличку. Так делали на Кавказе – исламисты имели скверную привычку мстить, иногда могли отомстить даже родным или приехать и отомстить в Россию. Потому пользовались кличками и носили маски, которые сейчас были на всех участниках штурма. Война пришла и сюда...

Информация к размышлению

Документ подлинный

Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган посетил сегодня Казанский федеральный университет, где встретился с преподавателями и студентами крупнейшего в Поволжье университета.

После экскурсии по музею Казанского университета в сопровождении Президента Татарстана Рустама Минниханова и ректора КФУ Ильшата Гафурова Реджеп Тайип Эрдоган выступил с публичной лекцией в Актовом зале Казанского (Приволжского) федерального университета.

Премьер-министр Турции в своей речи назвал Казань жемчужиной Поволжья и отметил, что для него большая честь находиться в Татарстане.

«Я нахожусь среди братского народа. Долгая разлука подошла к концу, ведь татары и турки это родственные народы, и у нас общее сердце. Мы живем в унисон друг с другом», – сказал в своем выступлении Эрдоган...

Homegate.ru

Перешел в набат благовест.

И нельзя избежать борьбы.

Могут вынести русский крест

Только наши с тобой горбы...

11 сентября 2020 года

Россия, Ижевск

Железнодорожный вокзал

Заплеванный плацкартный вагон подрагивал на стыках. Скрипел изношенными до предела сочленениями, жалуюсь на человеческое невнимание и на свою горькую судьбину...

Осень...

Через простреленное, в паутине трещин окно в тамбуре тянуло дымом. Поезд Москва – Ижевск, двадцать шестой скорый, на второй день своего нелегкого, сорокачасового путешествия наконец-то подходил к его конечной точке, к Ижевску. За окном уже плыли низкие, станционные постройки, палатки беженцев, вагоны, переделанные под временное размещение. Там, в беженском лагере, гнойным фурункулом вскочившим на теле тяжело больной страны, жарили картошку, варили на кострах немудреный суп и старались не думать о будущем. О зиме, которая в этой части России бывает очень суровой.

России...

Сорок часов железнодорожного безумия подходили к концу. С литерными, эшелонами с боевой техникой, пропускаемыми без очереди, с нищими старухами на безымянных полустанках, предлагающими проезжающим на поездах нехитрую снедь, чтобы выручить хоть немного денег на жизнь. Раньше ехали через Казань, Агрыз, Зеленый Дол. Теперь – это чужое государство, чужая страна. Сейчас этот поезд шел другим путем, северной веткой, через Балезино. И все равно их обстреляли по дороге. Нет, не для того, чтобы остановить и ограбить, силенок не хватит. Просто чтобы хоть немного утолить ту сжигающую душу жажду крови, пополняя кровавый счет между двумя братскими, четыреста лет жившими в мире народами...

В тамбуре стоял человек. Под его ногами была большая сумка.

Зачем-то он вышел первым, когда только проехали Балезино. В тамбур обычно выходят, чтобы покурить, но этот человек не курил. Просто стоял и смотрел на медленно ползущий за окном пейзаж через дыру от пули, как через прорезь прицела.

Человек был русский. Удмуртия, маленькая республика в центре России была его родиной.

В тамбур вышла проводница. Человек, не говоря ни слова, подвинулся.

Человек был странным. Совсем не таким, какие обычно ездят в поездах дальнего следования в плацкартных вагонах. Что-то в нем было нехорошее... отпечатавшееся в глазах пламя. Раньше проводница не обратила бы на это внимания, раньше вообще жили легче и проще, но сейчас во взбаламученной войной России следовало обращать внимание на все и на всех, если хочешь выжить. Особенно смущала эта самая сумка – массивная, тяжелая. Взрыв поезда Санкт-Петербург – Москва был только восемь дней назад, точно такая же сумка погубила тридцать одну душу. Проводница сообщила Сане, знакомому сопровождающему из ЛОВД⁵. Но Саня так ничего и не сделал, а когда она подступилась к нему с вопросом во второй раз, зыркнул на нее так, что она больше и не спрашивала ни о чем.

Хорошо вроде хоть русский. Хотя сейчас и это не признак. Вон, та, что экспресс взорвала, говорят, тоже русская, за черного вышла, б...ща.

Мимо плыл уже перрон. Их вели на первый, главный путь. Пригородная касса, вокзал дальнего следования, переделанный под старину, вроде как дореволюционный – хотя на самом деле новодел. Бетонная арка переходного моста, пригородный вокзал, выполненный в стиле советского конструктивизма, щерящийся на мир острыми зубьями стекол – после взрыва стекла так и не вставили...

Взрыва...

Дальше шло здание – высотка почты и дистанции пути. Поезд дернулся, в последний раз скрипнул-бухнул всеми своими сочленениями и, устало выдохнув, застыл на месте.

Вот и все. Конец пути. Ижевск...

Человек сошел с поезда первым. Привычно быстро, приметливо огляделся по сторонам.

На перроне многолюдно, так многолюдно, как никогда не было в мирные времена, все-таки Ижевск не проходной город, тупиковая ветка. Главная станция несколько ближе – Агрыз, город на самой границе Татарстана и Удмуртии, Агрыз-Товарный входит в десятку крупнейших станций России по грузопотоку. Но сейчас на вокзале яблоку негде упасть. Враз обедневшие, снявшиеся с мест, ставшие беженцами в родной стране люди продают свой нехитрый, сейчас никому не нужный скарб, шастают дети – просто нечего делать и голодно; для этих детей школы не открылись, не ходят они в школу. Старухи торгуют семечками, пирожками и просят милостыню.

⁵ Линейный отдел внутренних дел на транспорте.

Оцепление давно снято, ленты, огораживающие место подрыва, сорваны и затоптаны. Ничего не осталось – только опаленный пролом в стене и выбитые стекла. И смерть – кто ее видел, тот почувствует, даже когда все убрали...

В карман полезли. Человек, не глядя, дал по руке, прошел к выходу с перрона – тому самому, который ведет на стоянку, отмахиваясь от таксистов. Как только становится плохо – таксистов становится больше, потому что как-то надо кормить свои семьи. Но человек отмахнулся от таксистов, прошел мимо, он привык никому не доверять и не садиться в чужие машины...

Пахло дымом. Везде пахло дымом. И стучали топоры – люди заготавливали дрова на зиму. Прямо в городе...

Еще одна примета нового времени – угрюмым утесом в стае малолитражек высился бронетранспортер. Сидящие на броне СОМовцы⁶ в масках держали автоматы под рукой, курили, внешне не обращая ни на что внимания, но на самом деле зорко процеживая толпу...

Трамваи ходили.

Ему вспомнилось старое, что он читал много лет назад: если ходит в городе трамвай, значит, есть в городе советская власть. Трамваи здесь ходили. Значит, не так все было плохо...

Он сел на единичку, идущую в центр. Трамвай был на ходу, только стекла были через раз да одной двери не было. Почему-то вандалы любили громить именно трамваи.

Проезд стоил восемьдесят рублей. Не так плохо – в Москве еще дороже...

Трамвай шел в город. Нетерпеливо звенел звонком, мигал фарами. Дорожное движение не соблюдали – ижевские лихачи то и дело вскакивали на пути, чтобы обогнать какую-нибудь пробку или объехать особенно большие рытвины на дороге.

Люди. Рынки самопальные, первый еще у хладокомбината, у южной автостанции. Торговали селяне нехитрыми дарами не слишком-то щедрой, но родной удмуртской земли. Меняли на бензин, на вещи – деньгам больше не доверяли. Старушки торговали вязаными вещами – нужная вещь в преддверии голодной и холодной зимы. Даже через выбитое трамвайное окно было видно, что торговля идет не особенно бойко – денег у людей нет. На перекрестке раскрылась, разухабилась блатная, черная «Приора», через раскрытые дверцы летел тюремный шансон. Вот и эти повылазили из своих нор, снялись со своих крыток, выползли из подполья. Мутноглазая, татуированная рвань, человеческий осадок во взбаламученном до предела озере страны. Углы⁷. И смеют еще... вон, флаг русский с гербом. Возьми таких – будут рубашку на себе рвать, говорить, что русские и за русских. Хотя на самом деле – все, что им нужно, это такой вот рынок, чтобы обирать незащитных старух и селян.

Хотя ради этого с татарами, с кавказерами они быются – кость в кость.

Руки человека сжались в кулаки. Как же дожились-то до такого?!

Трамвай шел дальше. Трамвайное депо, гнилые переулки, деревяшки – там сейчас тоже полно беженцев. Бетонный частокол новостроек на горизонте. Милицейские «узики» на дагестанскую моду, со снятыми верхними половинками дверей, торчащими из окон автоматными стволами. Автоматов здесь было много – столица русского оружия, как-никак. Хватало и машин – все-таки нефть тоже здесь есть. Стальная, рывками текущая, переругивающаяся сигналами река.

В центре, на кольце, за две остановки, человек сошел. Просто хотел пройтись...

Бывший драмтеатр, превратившийся теперь в приют для беженцев. Опаленный огнем минарет новой мечети ниже, исклеванные пулями стены. Горелые пепелища за спиной – там

⁶ Сводный отряд милиции – одно из нововведений войны. Бывшие и действующие милиционеры и бойцы ВВ.

⁷ Уголовники, блатные.

были старые, деревянные дома, предназначенные к сносу с сорок седьмого года. Бой здесь был знатный, били трассерами, все деревянное горело. Вот и снесли, получается...

Дальше – проулками. Побитые «Газели», стоящие вокруг них, поплеывающие, смолящие дешевые цыгарки мужики. Битые стекла магазинов, под которые перестроили все первые этажи домов. Половодье уличного торжища, начинающееся у бывшего цирка. Его тоже подожгли – харам. Смотреть цирк – харам...

Харам...

Ни одного целого окна. Когда началась вакханалия, простые люди, обычные простые люди бросились на штурм магазинов. Хапали заполошно, жадно, весело, иногда кроваво. Тащили то, чего в жизни не могли себе позволить, то, что дразнило взгляд каждый раз, когда проходили мимо. С варварским восторгом освобождались от тяжелой, горбатой жизни и думали, что все впереди. А впереди оказались ваххабиты, гарцующие по городу тачки с автоматным огнем из окон. Подломленные автоматы с завода, военных и ментовских складов, ружья. Когда отхлынуло – наступило протрезвление, большое, беспощадное, страшное. Вытащенную с раздолбанной камнем витрины шубу теперь продавали за бесценок, меняли на канистру бензина, на машину дров и не могли сменять. Уезжали из города, кое-как строились в пригородах, захватывали пустые дачные участки. Кто-то уже готовился зимовать, прорубал в форточке дыру, ладил буржуйку...

Человек продвигался вперед. Мимо бабок, мимо женщин, мимо семечек и пирожков, мимо развешанных на заборах вещей, которые никому не были нужны. Продвигался вперед, в людской круговерти, в беспощадном вихре, захватившем всю страну. К цели, которая была известна лишь ему одному...

Замок сработал сразу.

Человек отомкнул стальную дверь, затем деревянную, ступил в пыльную, заброшенную квартиру в одной из многоэтажек. Много лет назад он ушел отсюда, в его родном городе его больше ничего не держало. Ушел, чтобы сейчас вернуться.

Пыльные стекла, засиженное мухами зеркало в прихожей, немудреная мебель. Нежилой запах, неизбывная, точащая душу боль...

Человек достал из кармана автоматический пистолет. Не закрывая дверь, методично, помещение за помещением проверил всю квартиру, выглянул на балкон. Только после этого вернулся, с лязгом закрыл на щеколду дверь. Посмотрел на себя в зеркало – неприметный, к сорока лет мужик, роста выше среднего. Короткая, чтобы скрыть седину, стрижка, больные глаза.

Человек еще раз медленно, шаг за шагом обошел свою квартиру. Свою... полную воспоминаний, вещей, всего, что напоминало о когда-то простой и беззаботной жизни...

С трудом оторвавшись от зеркала, человек прошел в малую комнату. Сев на продавленный диван, какое-то время тупо смотрел на стенку шифоньера. Потом, закрыв руками лицо, не сдерживаясь, навзрыд заплакал...

Вот и здравствуй... Вот я и дома...

Еще через полчаса человек проверил газ, свет, воду. Ни того, ни другого, ни третьего не было...

Постелив на стол нашедшееся на кухне старое полотенце, человек положил на него пистолет. Начал неторопливо разбирать его...

Здание Управления ФСБ по Удмуртской Республике находится на улице Пушкинской, которая идет через половину города и до прокладки и застройки улицы Удмуртской была главной улицей города. Здание УФСБ представляет собой четырехэтажное здание в стиле сталин-

ский амбир, примыкающее к стадиону «Динамо». С другой стороны – прямоугольная бетонная безликая высотка здания МВД, дальше жилая сталинка и концертный зал МВД. Все это было цело, но на белых, гипсовых стенах виднелись пулевые отметины. Бой шел и здесь после короткого и бесславного присоединения Удмуртии к Татарстану. Сейчас боя не было. Бронетранспортер стоял дальше, высовываясь острым ребристым колуном рыла из ворот ХОЗУ...⁸

Человек подошел к главной двери, ведущей внутрь, толкнул ее. Дверь не поддавалась...

– Простите...

Человек повернулся.

– Вы к кому?

Человек достал корочку.

– Полковник Сизокрылов на месте?

СОМовцы переглянулись.

– Вход сейчас в другом месте. Все переехали в МВДшное здание...

Вход в здание, которое теперь делили МВД и ФСБ, был через дворик. Во дворике сумбурно, суетливо завершался развод. Дежурная смена сдавала технику: «уазики», реквизированные пикапы с установленными на них пулеметами, банковские броневые автомобили. Шутили, курили, хлопали друг друга по плечам. Бронетранспортеры сюда не загоняли, тут они как слон в посудной лавке. Бэтэры стояли на въезде, частично перекрывая Советскую и занимая проулок...

– Вы к кому?

Крыльцо, через которое сейчас входили в здание, было дополнительно укреплено. Крапом составили один на один блоки с ЖБК, оставили бойницы для автоматов и пулеметов, вставили бронированную дверь с «кормушкой», наверное, из какого-нибудь СИЗО притащили. Работы по укреплению здания продолжались, и сейчас было видно, как работают каменщики. На каждом этаже закладывали кирпичом окна, оставляя лишь узкие щели бойниц. Ни у кого никаких иллюзий уже не было, об этом свидетельствовал побитый бетон стен и кратеры от попаданий гранатометных выстрелов. Готовились ко всему...

Просунутое в щель удостоверение не вернулось.

– Вы к кому? – раздраженно повторил боец.

– К Сизокрылову.

– Кто такой?

– А ты не о...л, боец? – спросил человек. – Ксиву посмотри!

Кормушка с лязгом захлопнулась.

Московская ксива уже не была пропуском везде и всюду. Трудно было ожидать иного. После того как Москва всех предала, продала, сдала, бросила на растерзание охреневшему от безнаказанности подполью... чего еще ждать. Парадокс, гребаный парадокс жизни – где, в какой стране мира еще было такое, чтобы страну фактически распускали сверху? Чтобы целенаправленно ломали структуры безопасности, создаваемые как иммунная система государства. Чтобы разгоняли профессионалов, многие годы воевавших против ваххабитской чумы. Чтобы ублюдок с министерскими корочками обнимался на митинге с бородатой мразью под приветственные крики собравшихся на митинг ваххабитов и гробовое молчание всех остальных, кого власть, русская власть предавала, бросая на произвол судьбы на земле, в одночасье ставшей чужой.

Человек закрыл глаза. Картины плыли перед глазами... те, которые он хотел бы забыть. Лента воспоминаний разматывалась, набирала ход с болью, с кровью, со вспышками. Веселые, ветреные языки пламени, рвущиеся из окон элитного дома, выщербленная пулями стенка с

⁸ Хозяйственное управление.

лужами крови под ней. Мчащийся по Садовому кольцу бронетранспортер с изуродованным телом, привязанным тросом.

Контрреволюция...

Надо сказать... этот урод оказался не робкого десятка. В то время как его соратники разбежались, штурмом брали Шереметьево, скрывались на своих виллах, рвали к Бресту по Минке, погрузив в машины все, что удалось наскоро похватать, – этот нет, этот остался в Белом доме до конца. Даже в американское посольство не попытался уйти... хотя, наверное, мог бы. Успел выпустить телеобращение к народу до того, как прекратило вещание Останкино. Верил...

Лязгнула засовом стальная дверь. На пороге стоял СОМовец, автоматчик. Смущенная репа, красные от недосыпа глаза.

– Прошу прощения, служба. Приказано пропустить без сопровождения.

Это было высшей степенью доверия в таких местах – приказ пропустить без сопровождения.

– Нормально, боец. Кабинет какой?

– Двести пятый. Второй этаж, направо.

– Я знаю, боец. Я знаю...

Внутри было неустроенно, шумно. В коридоре – кипами папки, старомодные, картонные, с четкими иероглифами номеров. Скорее всего, и нулевка⁹ здесь – просто некуда и негде складывать пока. Снуют люди, пополам форма и штатское, автоматы на плечах у многих, раньше по зданию Управления так никто и никогда не ходил. Да времена сейчас другие...

На двести пятой не было таблички с именем, был только темный прямоугольник на двери с двумя неаккуратными дырками, оставшийся от таблички предыдущего владельца. Человек стукнул одними фалангами, надавил на ручку. Дверь не поддавалась – заперто. Прислушался. Постучал еще раз, затем еще...

Приглушенный мат, тяжелые шаги...

– Кого, б..., несет?!

На пороге – кряжистый, полноватый мужик в камуфле без знаков различия. «Стечкин» в кобуре, скупая орденская колодка на груди.

– Б... до кого еще не дошло...

Мужик оборвал себя на полуслове.

– Виктор Иванович... – сказал человек.

– Вася... – неверяще пробормотал мужик, – говорили же...

– Живой я, дядь Вить. Живой...

– ...короче, так по недоверию меня и ушли. Тогда нам сюда Салимова посадили, тот еще б... фрукт. То, что он Аллаху молится, это еще хрен с ним, так он не в мечеть ходит, хрен знает где молится. Началась, короче, чистка. Тупо на кого есть заявки – по недоверию, и все дела. Чем сомневаться, лучше так. Потом стало получаться, что работать вообще некому. Так они, б..., два курса из ментовской учебки досрочно выпустили, представляешь? Б...

– А этот Салимов, где он?

– Где-где. Как только запахло жареным – к себе мызнул. Это быстро – граница в тридцати километрах. С...а, нулевые дела забрал, все по подполью, мы как слепые теперь. Гад ползучий...

– Кончать надо было.

– Да многих кончили... Короче, Бехтерева убрали, Казанцева убрали, Галямова убрали...

⁹ Документация секретного делопроизводства.

– Галямова?!

– И его тоже. Он ведь какой... ершистый, сам помнить должен. Знаешь, что он этому... в лицо сказал. У меня национальность, говорит опер, так и пиши. С концами. Потом сердце не выдержало... хоронили... с...а комендантский взвод зажал, мразина конская. Как работягу закопали...

Галямов был человеком хорошо известным, можно даже сказать, легендой. Совсем молодым пацаном, лейтенантом еще патрулировал парк Кирова. Пешком, ночью. Навстречу хулиганы – семь человек. Арматуру, ножи тогда еще не принято было носить, но палкой тоже только так огреешь. Напарника сразу по башке, как раз такой палкой. Галямов на поражение – два труп, один тяжелый. Обвинили в превышении, дали пять лет, не сдался. Писал, требовал справедливости. Дело пересмотрел Верховный суд – оправдали, восстановили в органах. Преподавал оперативную тактику, учил их, дураков. По выслуге лет не ушел... ушли, получается...

– А как тут было-то?

– Как-как. Так и было, Вася. Присоединили нас, в первый же день – гости с Казани пожаловали. Всю агентуру тряханули, мы разом и ослепли и оглохли. Меня уже не было, мне-то что – много надо? Уехал в Завьялово, там и телочка, и курочки. На жизнь как-никак хватит. Потом разборки начались. В мясо, в кровь. Здесь ведь вахов не было, ты знаешь. Начали сюда приезжать – в один день на площади пятьсот человек дрались, пока подъехали – два труп. Потом до автоматов дело дошло.

– А удмурты?

– А чего удмурты? Люди безответные, ты знаешь. С Татар-базара тоже далеко не все пошли, как электричка с Казани идет – так драки у самого вокзала начинаются. Потом шан-дарахнуло... там у вас. Здесь шесть дней терпели. Потом собрались, у кого что было – взяли. Пошли – рынки, ДОСААФ, деревяшки, Татар-базар. Татары напололам раскололись, многие нам как раз и помогали. В общем, гнали, как сидоровых коз... у Агрыза под обстрел попали. С той стороны бэтээры – и у нас. Пострелялись... ночью отошли, у нас пара десятков двухсотых, и у них тоже. Так как-то граница и установилась. Сама по себе, б...

Мужик встал с места.

– Ты пожрал ли? А то мне невестка вон – колбаски конской...

– Спасибо, сыт...

– Давай хоть чайку попьем. Ты пить так и не научился?

– Да какое там...

Родственники у Виктора Ивановича были татарами. Тестя зарезали за то, что выступил в мечети после пятничного намаза, проклиная ваххабизм и сепаратизм.

Чайник быстро зашипел, порская паром...

– Ты мне скажи, Вася... – сказал Виктор Иванович, разливая чай по старым, треснутым чашкам, – вот что за б...ство такое происходит? Почему люди не могут жить как люди, а? Чего всем надо?

– Да откуда мне знать.

– Я ведь старый человек. Совсем по-другому жили. А сейчас – как в войну...

– Почему как?

Чай был самодельный, терпкий, с листьями малины и смородины. Просто так уже никто не пил – дорого, да и просто нету. Горячее, вяжущее язык варево согревало заледеневшие на холодном ветру перемены души...

– Нет, а все-таки... – старый мент не мог успокоиться, – вот скажи мне, как так получается, а? Как ограбили – спасите, помогите! А как спокойно живут – взяточники, оборотни в погонах. Вот кому в голову пришло расформировать МВД, а?

– Ну, не расформировали же, а?

– Но ведь говорили, а? С трибун, б..., орал! Апологеты, нах! Знаешь, что было? Все углы, все блатные сориентировались разом. Комиссию письмами завалили. Мы как-то раз пришли все вместе, на разбирательство дела Поварницына. Пробыли адреса, данные тех, кто жаловался, – все же углы синявые, в хлам засиженные, меньше двух ходок и нет ни у кого. Правильно, простым-то людям больше дела нет, кроме как на милицию жалобы писать, да? Я там тоже был. Богданов говорит этой мымре: «Вот, Степнюк Борис Иванович. Сто пятьдесят восьмая, часть третья, сто шестьдесят первая, часть вторая – мало вам?»¹⁰ А она смотрит глазами оловянными и говорит: «Так может быть, вы его специально и посадили!» Мразь...

Мент хлебнул чаю.

– А как резать стали – так опять к нам же.

– Это народ.

– Дурной у нас народ.

– Какой есть.

Зазвонил телефон. Виктор Иванович, не глядя, скинул трубку с рычага.

– Надолго к нам?

– Не знаю, как получится.

– Квартира-то твоя цела.

– Проверили, что ли?

– Ну да. Послал наряд.

– Благодарю.

– Да чего там...

Человек аккуратно поставил на стол стакан.

– Начальство у вас – кто и где?

Вечером, уже дома, человек заварил чай из своих, привезенных из Москвы запасов. Нашел и притащил несколько больших листов фанеры, заделал окна. Стекла, как ни странно, были, но так целее будут. Примостил растяжку на балконе... мало ли, а балкон – место уязвимое.

Чайник поспел быстро. Плеснул в чашку, бросил пакетик. В соседнюю миску раскрошил пачку «Ролтона», залил кипятком...

Сидел на темной, пронзительно пустой кухне допоздна, сжимая в обеих руках давно остывшую чашку. Ничего – ни крики на улице, ни треск автоматной очереди на Ижевске-Товарном, который сейчас был так же обычен, как раньше ночной гул поездов, не могли отвлечь его от невеселых мыслей, роившихся в голове, как стая ворон над помойкой...

Информация к размышлению

Документ подлинный

...Как много чепухи и мусора у вас в головах, уважаемые комментаторы.

На дилетантском уровне пытаетесь решать судьбы народов. «Все гениальное просто». Татары просто хотят быть равными среди равных. И даже не в этой русской псевдофедерации. А на уровне ООН, где будет развеяться и флаг Татарстана. Не надо пытаться искать общие гены. Ценность народов не в их безликости и однообразии, а в яркой самобытности. Поверьте, мы с русскими очень разные на самом глубинном уровне. У нас совершенно другой менталитет, особая культура. Наше мировоззрение никогда не будет русским, а потому (уж извините) нас воротит от него. То, что излил, например, А. Халим на страницы своих книг (можно без преувеличения сказать), в головах миллионов татар. Нам нужно грамотно разойтись.

¹⁰ Статьи УК. Кража, грабеж.

Исторические процессы развиваются по законам, которые нельзя изменить. Любая империя рано или поздно приходит в упадок. Нужно готовить общественное мнение и готовить максимально безболезненный демонтаж этой империи. Наверное, многие в душе согласятся, что Татарстан в течение более четырехсот лет выстрадал свою независимость (как, впрочем, и многие республики). И тогда у нас будет основание и, самое главное, доверие друг к другу, чтобы объединиться, как независимые государства, по примеру Европы.

Tatar Devleti

www.km.ru

комментарии

1 июня 2016 года

Республика Ирак

Севернее Басры

Ветер завывал голодным псом, предчувствуя богатую поживу. Куда ни кинь взгляд – нищий, больной пейзаж, бурый, пропитанный грязной водой песок, пустынное болото¹¹ и ветер. Хамсин давал о себе знать своей предтечей – поземкой, где вместо снега крупный, метущий как пескоструйка песок. Сам хамсин громоздился на горизонте, огромный, необъятный, как здешняя ночь – бурая туча, заслоняющая весь горизонт. Хамсины бывают здесь каждый год, но этот обещал быть особенно свирепым...

Небольшая группа людей скрывалась неподалеку от дороги Басра – Багдад в давно заброшенных укреплениях саддамовской армии, которые по какому-то странному стечению обстоятельств не взорвали американские саперы. Отсюда куда ни глянь мрачный, постапокалиптический пейзаж: ямы, прорытые когда-то саперными экскаваторами и земляными машинами, а сейчас заполнившиеся грязной, стоячей водой, остатки боевой техники, еще не сгнившие, напоминающие о самой страшной войне восьмидесятых, в которой сложили головы больше миллиона человек и которая ни к чему не привела. Редкие, бледно-зеленого больного цвета обрывки болотных зарослей на буром песке, кое-где громоздящиеся пальмы. Дорога – она была примерно в миле, ухабистая, но широкая. Дорога смерти, можно сказать, по аналогии с Дорогой жизни. По этой дороге американцы входили в Ирак со стороны Кувейта, очевидцы вспоминали, что стальной змее на дороге не было ни начала, ни конца. По этой же дороге уходили последние бронекавалерийские части... как наши, как советские по дороге через Саланг. Уходили, тая злобу на эту странную и страшную страну, так им и не покорившуюся, уходили, оставив ее в худшем положении, чем она была до их прихода. Воистину, благими намерениями можно вымостить дорогу в ад и еще останется. Но даже то, что происходило здесь в десятом, не могло сравниться с тем, что происходило здесь сейчас, в этой больной, бьющейся в лихорадке стране...

Людей в полусыпанном песком блиндаже было всего семеро. Ничем не примечательные белые люди, одетые в странную смесь военной формы и арабской национальной одежды, они сильно были похожи на иракских спецназовцев, которых обучали американцы и которые ненавидели американцев. Шемах, американские тактические очки, грубой ткани куртка, выкрашенная как измазанная, вся в пятнах бурого, серого и желтого цветов. Такого же вида штаны.

¹¹ Такие болота там как раз и бывают. Устье Евфрата очень болотисто, здесь как бы пустыня соприкасается с болотом, тут жили и живут болотные арабы, живущие на наплавных островах и питающихся преимущественно рыбой. Когда шла война Ирака и Ирана в 1980–1988 годы – эта местность была зоной активных боевых операций, обе стороны активно строили укрепления, копали окопы, потом это все потихоньку затопилось водой. Осталось огромное количество ржавеющей и гниющей боевой техники. Местность там и в самом деле ужасающая...

Все они были вооружены, и вооружены неплохо. Оружие было самое разное. Автоматы Калашникова, которые нельзя было «узнать в гриме», обвешанные прицельными приспособлениями, фонарями и лазерами. Винтовки «кольт» CM901, только поступившие на вооружение американской армии и позволяющие на одном лоуэре ставить апперы под 223 и 308 калибры, получая легкую или тяжелую снайперскую винтовку по выбору. Двое были вооружены как британцы из САС – винтовками Colt Diemaco C8SF с прицелами Elcan, называемыми L119A1, которые позволяли одним движением рычажка превращать их из прицела типа «красная точка» в классический военный четырехкратник. На семерых – два пулемета, короткий, русский ПКМ¹² и южнокорейский Дэу. Все они были похожи на джентльменов удачи, каких немало повидала эта земля за последние двадцать лет. Тех, которые покупают винтовку из багажника такси на границе Ирака и Кувейта, зарабатывают по пятьсот долларов в день, а если повезет, то и больше, и носят с собой вещмешок, набитый заряженными магазинами в дополнение к разгрузке. Эти люди – сообщество людей разных национальностей, вер и языков, объединяет их одно – аппетит к риску и невозможность жить в мире. Деньги стоят на втором месте, хотя и они, конечно, важны...

Но все они были одной нации и одного языка. Они были русские...

Они прибыли в Ирак нелегально. Через Курдистан, фактически не контролируемый центральным правительством – авиарейсом с Кипра. Этот же путь будет путем отхода, но запасным, они никогда не возвращались тем же путем, каким прибыли. Основной путь отхода – «небольшая» яхта длиной всего пятьдесят один метр, зарегистрированная в Дубае и по документам принадлежащая гражданину Украины. Она курсирует сейчас в Персидском заливе, милях в тридцати от берега. По сигналу она должна выпустить две скоростные, малозаметные лодки, которые войдут в Евфрат и подберут их и заложников – если будет кого подбирать...

История, приведшая сюда этих людей, начиналась довольно просто. После того как американцы вошли в Ирак, оказалось, что он буквально плавает на нефти. Больше было только у Венесуэлы и Саудовской Аравии. Но у Венесуэлы свои заморочки, с которыми пока никак не удавалось совладать, а по Саудовской Аравии еще вопрос – сколько на самом деле составляют ее запасы нефти. По документам они велики, но саудиты уже давно не допускали на месторождения независимых аудиторов, так что сказать точно было невозможно. У Ирака же было сто тридцать миллиардов баррелей доказанных запасов¹³, и многие думали, что это еще не предел.

Первоначально практически все запасы нефти в стране были распределены между американскими, британскими и французскими компаниями по праву победителя. Русские проигрывали один тендер за другим. Но как только американцы ушли, шиитское правительство Ирака стало все явственнее проявлять недовольство заключенными во время оккупации контрактами. Водоразделом стали сирийские события, когда западный мир выступил на стороне суннитских экстремистов, а шиитское правительство Ирака – на стороне законного правительства Сирии. Тогда по Ираку прокатилась волна террористических атак и массовых беспорядков, инициированная суннитским меньшинством и поддержанная не только Саудовской Аравией и Катаром, но и всем западным миром. Фактически в две тысячи двенадцатом году американцы поддержали тех, кого в две тысячи четвертом они свергли. Тогда же шиитское правительство Ирака, по-видимому, взяло курс на окончательный разрыв с США и начало искать себе новых союзников. Выбор был невелик – Китай или Россия.

¹² Видимо, с коротким стволом. В США (фирма Blackheart) делают короткие сменные стволы под стандартный ПКМ. Полезная штука: такой вот ствол, рукоять – и ПКМ превращается в штурмовой.

¹³ На данный момент 112 миллиардов, но там никакой разведки не велось двадцать лет вообще. В России, кстати, тоже сейчас не ведется почти никакой разведки, а между тем Россия, возможно, владеет громадными запасами трудноизвлекаемой битуминозной нефти в Сибири, которые, если суметь сделать их извлекаемыми, поставят Россию на первое место по запасам нефти. Не вскрыта как следует и арктическая кладовая.

Точкой невозврата стала ситуация по месторождению Западная Курна-1. Месторождение это принадлежало компании «ЭКСОН» из США и оставалось одной из немногих точек американских инвестиций в стране. Месторождение Западная Курна-2 принадлежало на паях русской компании «Лукойл» и норвежской «Статойл». Иракское правительство предъявило американцам претензии в том, что в процессе добычи они загрязняют окружающую среду, сбрасывают отходы в Евфрат, и расторгло контракт, заключенный на условиях распределения рисков. После чего – Западную Курну-1 получил международный консорциум, состоящий из «Ираки Ойл», русского «Газпрома», бразильской «Петробраз» и китайской «Синопек». Это было первое русское (пусть и в консорциуме) месторождение, которое получили, не выкупив или выменяв долю за реальные деньги, а полученное от правительства Ирака. Возможно, далеко не последнее...

Сразу после этого произошла некоторая... неприятность, так скажем. Автобус с нефтяниками, русскими, американскими, французскими... полный набор, в общем, попал в засаду недалеко от Басры. Охрана не помогла – охраняли американцы, они подозрительным образом «пропустили удар» – не смогли оказать сопротивление. После того, как у них был один погибший и несколько раненых, они просто нажали на газ и смотались, бросив автобус с нефтяниками на произвол судьбы. Это могла быть банальная трусость, а могло быть и что-то иное.

Таким образом, нефтяники, в том числе пять русских, оказались в плену.

Через день в YouTube выложили ролик, на котором боевики отрезали голову одному из русских нефтяников, показав тем самым, что шутки с ними плохи: обычно начиналось с угроз, в этот раз – с труп. Боевики назвали себя представителями «Шуры моджахеддинов Ирака» и выдвинули на фоне обезглавленного трупа список требований. Довольно обширный и невнятный, например кяффирам убираться со всех мусульманских земель. Это как понимать? Какие земли мусульманские? И каким кяффирам – военным? Или и представителям гуманитарных организаций, которые лечат, в том числе и откровенных боевиков, им тоже убираться? Почти сразу же к посольству Российской Федерации был подброшен мешок – в нем была отрезанная голова, запись произошедшего на флешке и записка с гораздо более конкретными и понятными требованиями. Пятьдесят миллионов долларов США.

После чего ударная группа была переброшена в Ирак с целью активного воздействия на события. В зависимости от ситуации им предстояло либо освободить заложников силой, либо проследить за передачей выкупа и освобождением заложников за деньги.

Уникальность ситуации была в том, что из девяти человек только трое были действующими бойцами спецподразделения МО «Сенеж». Остальные шестеро были наемниками высокого класса. Профессионалами смерти...

В начале нового века в США возникла и стала стремительно развиваться индустрия частных военных компаний. Они делились на два типа – частные охранные компании и частные военные компании. Первые предоставляли только охрану: от нескольких статик-гардов до целых вооруженных конвоев. Вторые решали самые разные задачи, начиная от обучения местных военнослужащих тактике ведения боевых операций и заканчивая самостоятельным проведением «острых» акций там, где их не могли провести ЦРУ или армия США.

В России с созданием конкурирующих компаний опоздали на десять с лишним лет.

При всем при том русские как профессионалы безопасности и войны ничуть не уступали и даже превосходили американцев. СССР, а позже и Россия, начав со штурма дворца Амина морозной декабрьской ночью семьдесят девятого года, так и не выходила из войн. Афганистан, Карабах, Приднестровье, Таджикистан, Сербия, Чечня, весь Кавказ. Мира с тех пор – настоящего мира – не было ни дня. В России было уже два поколения военных профессионалов. Изломанные войной мужики, которые увольнялись из армии, из милиции, потому что возвращались оттуда, с переднего края, и видели всю невыносимую мерзость с воровством и задолбизацией. Это и был «золотой фонд» нации, профессиональные военные, те, кто окапы-

вался в Хосте и брал дворец Дудаева, те, которые могли из ничего, из двух десятков лопухих новобранцев за пару недель сколотить вполне боевое подразделение, рвущее зубами глотки бородатых. И в тринадцатом году, когда пропихнули закон о частных военных компаниях, эти люди впервые оказались у дела. У настоящего дела. Они получили возможность предлагать свои услуги как услуги профессионалов, посылать многомудрое начальство, делать так, как подсказывает огромный боевой опыт – заказчику важен не процесс, заказчику важен результат. В третьем мире, а именно там сейчас шла война, осталось огромное количество людей, которые учились в СССР, позднее – в России, и которые помнили эту огромную северную страну и любили ее. Они помнили добро и, когда к ним обращались за помощью, помогали не за толстую пачку зеленых денег. Хотя и за деньги тоже...

В курдском Мосуле группа купила три автомобиля. Там был рынок, где продавали все что угодно. Курдистан до сих пор оставался спокойным, торговать предпочитали именно там, чтобы не быть ограбленными. Три автомобиля, оставшихся здесь от безвестных, давно, наверное, разорившихся американских охранных компаний, но на ходу и в хорошем состоянии. Невообразимо гигантский, свободно вмещающий девять здоровых мужиков со снаряжением «Форд Искершн», локально бронированный, у которого задняя дверь была снята, а в просторный задний отсек была поставлена бронированная капсула с бойницами для стрельбы на ходу. Обычный для Ирака пикап «Тойота», которым пользовалась и полиция, и армия, в кузове которого было установлено все для пулемета ДШК, но самого пулемета там не стояло. И небольшой, полноприводный микроавтобус «Ссанг Йонг», не китайский, а корейский, но выносливый, имеющий в основе конструкцию «Мерседес-Бенц», проданную в Корею. Эти машины, крепкие и дешевые, тоже были распространены в Ираке, ими, в частности, пользовались станции «Скорой помощи»...

В Мосуле же они купили кое-что из местной одежды и снаряжения, чтобы не выглядеть белыми воронами. Те, кто покупал, отлично знали, что сколько стоит, прикрывали лица шемахами и ни единым жестом не дали понять, что они чужаки – арабские и курдские торговцы говорили с ними на своем языке и приглашали на «шай», так здесь звучит слово «чай». Это были русские – двое из тех многих безымянных, которые работали в Ираке на американцев, гоняли колонны и охраняли нефтяные прииски. Русские вообще – в отличие от американцев – умели быстро ассимилироваться, растворяться среди местных и ни жестом, ни словом не выдавать того, что они чужаки. Американцы так не могли, родное, посконное, американское перло из них во всем.

Промежуточного убежища они достигли довольно быстро. Конвой вели те же двое. И хотя у них не было свежего рейтинга маршрутов и свежего RUMINT¹⁴, они помнили все. Бетонные дороги с обгоревшими джипами и траками по обочинам, темные заплатки на месте подрывов. Они помнили, в каком селении нужно выставить за стекло портрет Муктады ас-Садра, а в каком – стилизованное изображение Корана. Где, кому и сколько нужно заплатить. И потому, обогнув Багдад по восстановленной Кольцевой, они прибыли на место за полтора суток, маханув через весь Ирак с севера на юг. Вряд ли кому-то менее опытному и знающему страну удалось бы повторить подобное...

Сейчас Илья, один из «иракцев», больше трех лет проведенный в этой стране, взял микроавтобус и поехал в Басру, чтобы встретиться с контактом. Источником. Активом, который в курсе происходящего в городе. Василий, оседлав небольшой, двухсотпятидесятикубовый дешевый китайский мотоцикл, отправился прикрывать его. Мотоциклы они тоже купили – полезная штука. И дешевая...

¹⁴ RUMor INTelligence, объединенный отчет о состоянии дел на улице. Рейтинг маршрутов – объединенный банк информации, куда сдают данные все ЧВК. Количество банд на маршруте, частота и интенсивность обстрелов, подрывов. Исходя из этого каждый конвой выбирает себе путь.

И вот их не было больше суток... Один из контрольных сроков уже прошел...

Оставшаяся в бетонном бункере группа занималась своими делами. Углубляла бункер, выбрасывая из него бурый, смешанный с водорослями песок. Готовила пути отхода на крайняк, до иранской границы тут всего километров десять, охраняется она плохо, можно просочиться. Один из бойцов постоянно был за пределами бункера, отслеживая возможную активность противника. Ничего, за исключением небольшой тяжело груженной группы, прошедшей ночью в Иран, они не видели. Видимо, курьеры. Наркокурьеры. Там, где появляются американские базы ВВС – там появляются большие проблемы с наркотиками...

А хамсин подступал. И может так получиться, что он, навалившись на город, словно армия монгольских завоевателей¹⁵, сделает операцию по освобождению невозможной...

– Брат, я Аул. Брат, я Аул, ответь...

Столь странный позывной – Аул – принадлежал осетину по имени Юрий, штатному снайперу группы. Осетины, аномалия Кавказа, гордый и воинственный народ, были типичными кавказцами внешне и в то же время – убежденными христианами. Юрий служил России, как служили до этого несколько поколений его предков. Его прадед брал Берлин в звании полковника Советской армии. Он сам был изгнан из рядов Российской армии за то, что упорно не желал воровать и говорил правду-матку в лицо. Снайпером он был изумительным, его готовили к службе в армии с детства, в горах...

– Брат, на приеме...

– Движение. Один мотоцикл...

Осетин сейчас взобрался на пальму, из веревки сделал себе что-то вроде обвязки и со своей винтовкой ОА-10¹⁶ господствовал над местностью, обеспечивая поражение практически любой цели метров до восьмисот. Как он со смехом сказал: всегда мечтал залезть на пальму и жрать бананы прям с нее. Вот только бананов почему-то тут не было.

– Наш?

– Никак нет. Араб.

– Один?

– Так точно.

– Пропусти. Секи дорогу.

– Есть.

Позывной «Брат» принадлежал отставному капитану, бойцу сорок пятого полка ВДВ¹⁷. Его вышибли из армии за то, что в свое время подписал письмо, призывающее мало понимающего в военном деле министра обороны прекратить погром армии.

– Слышу... – сказал Лютый, пулеметчик, залегший с пулеметом.

Треск мотоциклетного двигателя был едва слышен, но приближался.

– Кузьма, Ветер – прикрытие, – приказал Брат, – остальным готовность.

Еще двое вынырнули из бункера и, пробежав с пару десятков метров, упали на заранее намеченные позиции, обеспечивая оборону как фронта, так и тыла...

– Чисто с фронта, чисто справа...

– Чисто с тыла, чисто слева...

Сам Брат подтянул поближе короткий десантный пулемет КЗ, южнокорейскую, очень качественную копию «Миними» и тоже залег...

Мотоцикл приближался. Маленький, трещащий мотором, похожий на старые минские «макаки», которые в деревне дарили пацанам на шестнадцать лет, но неприхотливый и жрущий

¹⁵ Много веков назад монголы, захватившие Багдад, тогда, возможно, один из самых крупных и цивилизованных городов на Земле, снесли его до основания.

¹⁶ Оберланд армс. Винтовка не пошла на вооружение Бундесвера, что не умаляет ее качества.

¹⁷ Расквартирован в Москве. Является полком спецназа ВДВ.

самый дрянной бензин. На мотоцикле восседал, как на спине верблюда среднего роста, оборванный, закутанный в клетчатый платок араб. Ветер относил в сторону вонь, которая исходила от этого араба, густой и омерзительный, почти трупный запах. В культуре Востока совершенно отсутствует потребность в чистоте тела, вода слишком ценный продукт, чтобы расходовать его на помывку...

Араб оставил мотоцикл в пятидесяти-шестидесяти ярдах от бункера, на проселочной дороге – просто положил его наземь и бросил. Медленно пошел навстречу бункеру, поднимая руки...

Брат, держа пулемет наготове, вышел навстречу, будто вырос из этой негостеприимной земли подобно ворующему по ночам души людей джину.

Оба они – Брат и приехавший араб – одновременно увидели друг друга. Араб сделал знак левой рукой – ни один араб не стал бы использовать для этого левую руку¹⁸, – и брат зеркально повторил это уже правой рукой.

– Дела тех, которые не веровали, подобны миражу в пустыне: жаждущий считает это водой, а когда подойдет к нему, видит: это – ничто...

– ...И находит он с собой только Аллаха, который потребует с него полного отчета о делах его...¹⁹ – завершил араб.

Брат шагнул навстречу арабу, и они крепко обнялись...

– Салам...

– Салам, брат...

– Твои люди были неосторожны. Кто они?

– Они живы?

– Не уподобляйся еврею. Да, они живы. Мне удалось предупредить их до того, как они сделают непоправимую глупость.

– Где они?

– В апельсиновых рощах. Там есть места, где опасно находиться даже змеям...

Плащ-палатками люди в бункере заткнули и завесили бойницы, через которые мог просочиться свет. Суровые, бородатые лица склонялись над картой...

Человека, который приехал к ним на мотоцикле, когда-то звали Виктор, но это уже давно не было его настоящим именем. Более того, по документам он был давно мертв. Это был человек-призрак, человек-джинн, человек-легенда. Его внедрили в банду моджахедов в восемьдесят шестом в Афганистане, провернув операцию, которая стоила жизни нескольким советским солдатам. Шансов выжить у него, узбека по национальности, практически не было, но он выжил, прижился в Пакистане, стал своим среди людей «семерки», внедрился в самую радикальную и опасную организацию вооруженной оппозиции – Исламскую партию Афганистана Юнуса Халеса. Убежденный коммунист, он прервал связь с СВР и лег на дно. Но в две тысячи третьем, уже будучи оперативным агентом Мафабы²⁰, он передал критически важную информацию, легшую в основу операции по уничтожению эмира Хаттаба, иорданского еврея. Тогда-то про него и узнал Брат, второй раз они встретились в самой Ливии, когда инструкторы спецназа обучали элитную тридцать вторую бригаду особого назначения, которую возглавлял сын Каддафи Юнус. Никогда не выполняя никакие распоряжения и задания СВР – Виктор, тем

¹⁸ У арабов ничего не делают левой рукой, связано это с тем, что в пустыне нет туалета, а горсть песка – не лучшая замена туалетной бумаге, да и руки вымыть нечем. Поэтому едят, здороваются, что-то подают и берут всегда правой рукой, а левая считается нечистой.

¹⁹ Свет, 39.

²⁰ Антиимпериалистический центр. Одна из спецслужб Ливийской Джамахирии находилась под личным патронажем Муаммара Каддафи. Единственный приходящий в голову аналог – Коминтерн. Амир Хаттаб и в самом деле был евреем, например, его родную сестру зовут Сара, и она держит магазин в США, торгует оружием.

не менее, иногда выходил на связь и помогал русским разведчикам, если мог. После падения Джамахирии он сам и многие другие числились в розыске как террористы. Но действовать это им не мешало, посланцы западного мира на Востоке были глухи, слепы и беззащитны. Если в середине девяностых оперативникам ЦРУ в Судане во главе с Билли Во удалось без особых проблем взять Карлоса Шакала, то сейчас их скорее всего убили бы после первого же заданного вопроса. В небе были Предаторы, а на земле – джихад, священная война...

– Ты знаешь, зачем мы здесь? – задал вопрос Брат.

Прежде чем ответить, гость провел руками по лицу, имитируя вуду, положенное омовение перед намазом.

– Знает лишь Аллах, брат, я могу только догадываться. Несколько русских пропали, и вы приехали вырывать их...

– Ты знаешь, кто это сделал? – задал следующий вопрос Брат.

– Еще бы не знать... – усмехнулся «Виктор», – про это знает весь базар, стоит только внимательно прислушаться к тому, что там говорят. Их взяли люди Мохаммеда бин Салема ат-Тикрити, полицейского комиссара Басры...

Брат не поверил своим ушам.

– Ты уверен в том, что говоришь, брат?

Узбек, давно и не по своей воле ставший арабом, вздохнул и, произнеся положенное «Да будет Аллах моим свидетелем», начал объяснять:

– Мохаммед бин Салем ат-Тикрити непростой человек, совсем не простой. Он из Тикрита, с родины Саддама, а это здесь помнят до сих пор. Когда Саддам был у власти, он служил в Амн аль-Хаас, президентской охране, дослужился до майора, охранял Удея Хусейна. Может быть, он и навел американцев на него. Говорили, что, когда американцы окружили дом, где были Удей и Кусей²¹, они просто пустили туда ракету, а потом пошли на штурм, стреляя во всех, кто был в доме, они убили даже внука Саддама. Это все потому, что Удей занимался программой «Нефть в обмен на продовольствие» и точно знал, в чьи руки упали деньги от нелегального экспорта нефти, на чьи счета они упали. Когда шло расследование, американцы обвинили вас, но на самом деле американцы и британцы сами разворовали все эти деньги, а потом замели следы. Украли они и деньги Саддама – те, до которых смогли дотянуться и которые принадлежат многострадальному народу Ирака. Салем бин Тикрити отсиделся где-то, а потом появился у англичан в Басре в две тысячи седьмом. Сначала ему в Ираке было опасно – американская разведка вела охоту на таких людей, как он. А потом Муктада ас Садр собрал свое ополчение и призвал убивать американцев, и американцы начали улыбаться бывшим клевретам диктатора, брать их в полицию и в армию. Здесь, через Басру проходит основная дорога, ведущая из кувейтских баз снабжения в Багдад, к «железному треугольнику». Очень опасное место, потому что рядом непроходимые болота и иранская граница. Салем бин Тикрити пришел и сказал, что если англичане и американцы будут платить определенную сумму денег в месяц, то в его зоне ответственности никто не будет нападать на британские и американские конвои. Он сдержал свое слово, и его сделали начальником полиции Басры, чтобы он навел порядок в этом городе. Потом англичане и американцы ушли, но он остался, потому что новой власти тоже нужен порядок.

– Он суннит?

– Да, говорит, что суннит, хотя наверняка он мунафик, и не более того²². Иракская власть, а власть в Ираке, как ты знаешь, русский, принадлежит шиитам, может позволить себе ссориться только с одним врагом. Так-то их три – курды, люди Саддама и суннитская «Аль-Каида», но можно ссориться только с одним врагом. Курдов достаточно просто не трогать, дать

²¹ Старшие сыновья Саддама.

²² Лицемер.

им жить на своей земле и делать вид, что это еще и иракская земля. Остаются двое – люди Саддама и «Аль-Каида». Аль-Малики²³ надо было выбрать одного из двух врагов, и он выбрал «Аль-Каиду». Люди из Тикрита сохранили те посты, которые им удалось получить при американцах, и заработали новые. Среди них и Салем бин Тикрити. Без него в Басре и мышь не шевельнется, он важнее губернатора, важнее любого другого человека в южном Ираке. Это он и украл ваших людей, русский, точнее, украли по его приказу...

– Но зачем ему это?

– Потому что американская армия ушла, но американцы здесь остались, русский. И с этим ничего не поделаешь. Американцы здесь остались, американцам нужна защита. Салем бин Тикрити ее обеспечивает не бесплатно, конечно. Весь город знает о том, что у американцев проблемы, что они теряют месторождения. Вот американцы и попросили Салем бин Тикрити помочь им. И тоже не бесплатно.

– Но среди похищенных трое американцев!

Араб улыбнулся:

– Ударный авианосец «Гарри Трумэн» прошел Ормузским проливом, брат. Думаю, уже через несколько дней мы можем услышать о героической операции американского спецназа по спасению пленных американских буровиков. А вот удастся ли спасти русских – это зависит от позиции твоей страны, брат...

Брат катнул желваками:

– Понятно. Что будем делать? Ты знаешь, где их содержат?

Действительно, понятно. И почему так просто удалось остановить конвой, а как не остановиться, когда приказывает полиция? И почему американцы отвалили без боя, скорее всего, просто симитировали по договоренности, отдали какого-нибудь новичка из Сербской Краины на растерзание. Все понятно...

– Их могут содержать в любом полицейском участке, местная полиция никогда не задает вопросы своему начальнику. Ходят слухи, что табаньей²⁴ Салем бин Тикрити умеет пользоваться не хуже, чем его знаменитый родственник. Но думаю, он держит людей в своем компаунде. Думаю, он все-таки хочет получить с американцев какие-то деньги, а люди в его руках, американцы, гарантия того, что он эти деньги получит. На Востоке любую договоренность соблюдают только тогда, когда у противной стороны есть сила, чтобы заставить ее соблюдать, Салем бин Тикрити понимает это как никто другой в здешних краях...

– Ты можешь узнать, так это или нет?

– Думаю, что могу, брат...

Басра с одной стороны ограничена протекающей в черте города рекой Шатт аль-Араб, с другой стороны – вырытым саперами во время войны 80–88 годов длинным, прямым каналом, который должен был преградить иранским полчищам путь к месторождению Румайла в случае, если они все-таки возьмут Басру. Между этими двумя водными артериями и расположена Басра, которую многие называют южной столицей Ирака или иракской Венецией. Место это малопривлекательное – насыпанные саперами, возвышающиеся на метр-два от земли насыпи, по которым и проходят дороги. Эти насыпи готовились как линии обороны, глубокие, зали-

²³ Нури аль-Малики, председатель правительства Ирака. Шиит играл важную роль в региональной политике, в частности, финансировал из своих денег солдата Башара Асада в Сирии, посылал туда оружие и добровольцев. Пережил несколько покушений «Аль-Каиды».

²⁴ Табанья – в Ираке так называется президентский пистолет. С ним связано множество историй. В частности, в середине восьмидесятых аятолла Хомейни прислал в Багдад предложение о мире, но с условием, чтобы Саддам Хусейн ушел в отставку. На заседании правительства министр здравоохранения предложил, чтобы Саддам ушел в отставку для вида, а когда переговоры о мире закончатся – вернулся к власти. Саддам пригласил его в соседнюю комнату и там расстрелял, после чего вернулся за стол и спросил, будет ли еще предложения. Табанья окружена мифами и легендами, считается, что убивающий из табаньи не берет на себя греха.

тые водой рвы, разливы нефти, грязный, в радужных разводах, налитый водой песок. Здесь достаточно воды для того, чтобы вести сельское хозяйство, но его не ведут, только сажают плодоносящие деревья. Басра – город торговцев, контрабандистов, рыбаков и вольнодумцев. Британское присутствие мало что здесь изменило, разве что АК-47 у многих сменились на американские автоматы М4 да очень популярным стал кофе из кофейен «Старбакс» – даже арабы оценили вкус старбаксовского кофе.

Хамсин уже наваливался на город всей своей непередаваемой мощью, дороги почти опустели, мало кто рисковал передвигаться в такую погоду, тем более что во многих местах если завязнешь, то дай Аллах спастись самому, а про машину и думать не стоит. Ветер с песком летел параллельно земле, дворники лихорадочно елозили по стеклу, размазывая грязную жижу, но помогало мало. Кузьма – а именно он был за рулем – уже зарекся нажимать на клавишу стеклоомывателя – если и помогало, то на несколько секунд, а потом становилось еще хуже. Он продвигался вперед со скоростью десять миль в час, ориентируясь по навигатору GPS, подсказкам этого странного араба и собственной интуиции. Надеяться можно было только на то, что дорога эта, построенная саперами, абсолютно прямая, какой только и бывает военная дорога. Где-то на перекрестке их должны были ждать люди, с которыми араб связался по спутниковому телефону Thuraya, который мог работать и в спутниковом, и в сотовом режиме...

Было такое ощущение, что машина не едет сама, что ее подхватил сель, поток грязной жижи с гор, и волочет, чтобы где-нибудь как следует приложить о поваленное дерево или камень, затопить холодной грязной жижей салон и убить всех, кто находится в нем.

Полицейская машина вынырнула из мглы совершенно неожиданно, настолько неожиданно, что Кузьма не успел вовремя среагировать, понять, что светлый силуэт впереди это есть полицейская машина, и он боднул ее кенгурятником в зад. Это он сделал напрасно, потому что через несколько секунд иракские полицейские уже выволакивали русских из машины, разбив стволами автоматов два окна...

– Халас! Халас!²⁵ – закричал араб, выскакивая из машины...

Иракские полицейские, поняв, что ошиблись, оказались довольно дружелюбными малыми. Они даже угостили русских питой – лепешкой с начинкой из смеси овощей и мяса, считающейся здесь богатым блюдом, почти деликатесом...

У патруля был большой, выкрашенный в полицейские цвета «Шевроле Аваланш»²⁶, видимо, оставшийся от американцев. На высокой стойке стоял пулемет М240, зачехленный, около которого никто не дежурил. Русские перебрались в салон полицейского пикапа, оставив в своей только водителя...

– Здравствуйте, – старательно произнес грузный, пожилой, седоусый полицейский, явно гордясь тем, что может обратиться к гостям на их языке, на русском языке, – как поживаете? Как здоровье ваших родителей?

Брат выпучил глаза, такого он не ожидал.

– Вы знаете русский?

– Да, я учился в России. Россия – холодно.

– Али коммунист, – сказал араб.

Брат удивился еще больше.

– Коммунист?!

– Да, да... – обрадовался иракец, – коммунист. Да здравствует борьба трудового народа.

Ленин – хорошо...

²⁵ Хватит! (арабск.)

²⁶ Дорогой, но очень распространенный на иранских дорогах внедорожник. Его делали как дорогой пикап на базе «Шевроле Сабербан», контрактников же привлекло то, что он единственный, у которого можно снять или сдвинуть заднюю перегородку и перебраться из салона в кузов и наоборот.

Брату вдруг стало очень стыдно, словно он предал этого иракца.

– Здесь больше коммунистов, чем кто-нибудь хочет признавать, – сказал араб, – люди не хотят жить при религиозном мракобесии, но они не хотят жить и при диктаторе. Капитализм не принес сюда ничего, кроме разрухи, страданий и смерти. Те, кто сейчас богат, богаты за счет даров этой земли, которые принадлежат всему народу. Ни шииты, ни сунниты, ни капиталисты не скажут такого, не будут бороться за такое. Поэтому здесь есть коммунисты, они хотят встать на правильный путь, сделать так, чтобы арабы могли гордиться своей землей. На последних выборах Коммунистическая партия Ирака получила больше десяти процентов голосов, но их у нее украли...

Брат усилием воли заставил себя вернуться к тому делу, ради которого они сюда приехали.

– Переведи ему, мы готовы дать пятьдесят тысяч американски²⁷, если кто-то покажет нам, где держат русских.

Араб перевел. Ираец что-то резко ответил.

– Али не хочет брать деньги. Это оскорбление для него.

– Скажи, что я не хотел его оскорбить.

Снова короткие переговоры.

– Али поможет русским просто так. Али помнит добро и хочет, чтобы русские помнили про иракцев тоже добром. Завтра Али будет знать, где держат русских.

– Скажи ему, пусть будет осторожен.

Араб перевел.

– Али всегда осторожен. Здесь в Ираке коммунистическую партию называют «партией расстрелянных». Если бы он не был осторожен, он не был бы жив...

В бурой мгле едва угадывалось пламя газовых факелов...

Грязища жадно чавкала под сапогами, в некоторых местах приходилось отдергивать ногу, чтобы не почерпнуть воды. Деревья гнулись под напором ветра с дождем, утопали в грязи. Стоило только повернуться, и грязь хлестала в лицо, попадала в глаза. В любой момент могло начаться серьезное наводнение, часть прибрежных низин уже была затоплена.

– Здесь всегда так плохо? – прокричал Брат, обращаясь к идущему первым арабу.

– Такого не было десять лет, если не больше! Аллах разгневался на распутных!

Брат ничего не понял, потому что слова унес ветер. Но заключил, что вряд ли тут часто бывает такое...

Потом они вышли на какой-то поселок – прямо посреди апельсиновых рощ, низкие, заброшенные домишки, при этом явно не самострой, построенные по какому-то проекту. Они были пусты, уже на четверть как минимум сидели в земле, еще лет тридцать – и земля окончательно поглотит их...

– Сюда!

Дома выглядели заброшенными, причем ни на них самих, ни на окружающей местности не было следов боя, обстрела, что могло быть причиной того, что они заброшены...

Брат заметил, что во втором доме от края чем-то заделаны окна...

– Сюда!

Они ввалились внутрь, все с головы до ног в грязи, в жидком песке, и навалились на ствол автомата...

Который сразу же опустился.

– Салам алейкум... – сказал Брат.

²⁷ Американских долларов. Обычное выражение на Востоке и в Африке.

Двое: один в углу, «соображает» какую-то жратву из сушеного мяса, другой – на стреме, за завалом из каких-то ветвей и обломков мебели.

– Товарищ подполковник, а вы-то здесь от-куда?..

– Двойк тебе, Ветер. Первый – за выбор укрытия, мать твою, это единственный дом, где окна чем-то заделаны. Вторая – за длинный язык...

– Так точно.

– Что это за дом? – спросил Брат, немного успокоившись.

– Здесь живут мааданы, болотные арабы, – ответил араб, – точнее, жили. Этот городок построили для них британцы. Говорят, что каждый такой дом стоит не меньше миллиона американки, только вот жить в нем никто не хочет. Мааданы хотят жить, как жили их предки, на болотах, в домах из тростника...

12 июня 2016 года

Республика Ирак

Басра, район аль-Амтахия

Настала ночь, но свежести не было и в помине. Обычная для Востока жара в сочетании с грязью, с пыльным ветром, с водой, с хамсином создавала совершенно ужасающие условия для существования. Мельчайшие частички пыли, переносимые ветром вместе с водой, оседали на кожу и на одежду, за какие-то полчаса делая человека похожим на ожившую глиняную статую. Совершенно не факт, что в таких условиях будет надежно работать даже «калашников», а больше чем у половины группы капризные и ненадежные «М4» и их различные модификации, взятые, чтобы «не выделяться на фоне». Непонятно было и то, как выводить заложников в такой кошмар, они могут просто потеряться на улице, отбиться от группы, их можно не довести до условленного места на реке. Хорошим в этом во всем было то, что точно в такой же ситуации был и их противник. Он точно так же тонул в грязи и превращался в живые глиняные статуи на ветру. Одна из проблем – как избежать патрулей на подходе к цели – была решена: патрулей просто не было. Иракцы вообще подходили к жизни своеобразно: работали только тогда, когда это было нужно им самим или когда за ними кто-то смотрел. Сейчас ни один дурак просто не высывался на улицу, патрульные машины кучковались у заведений, где было тепло, чисто и подавали что-нибудь вкусное.

Они намеревались бросить машины на границе квартала, но в такую погоду рискнули подъехать почти вплотную и не прогадали. Ветер немного стих, но лил дождь, такой, что казалось, разверзлись небесные хляби...

Брат посмотрел на часы. Времени немного было.

– Приготовиться...

Все молча сняли оружие с предохранителей. Для ближнего боя у всех были пистолеты разных моделей с глушителями, и многие предпочли именно их. Уличные фонари – никто не осмеливался их разбивать на улице, где жил начальник полиции – едва светились в бурой мгле. Потом вдруг погасили. Все разом...

Взрывные устройства они разместили просто и без затей – на столбах, чтобы обрушить целую секцию и гарантированно оставить нужный район без питания. Это происходит здесь постоянно, подрыв мачт ЛЭП – излюбленное занятие радикалов: платят немного, зато шансов попасться почти никаких, к каждой мачте полицейского не поставишь.

Одновременно в голове у девятерых включился таймер оперативного времени. А его немного – совсем не много. Это тебе не мирное побережье Испании, где им тоже пришлось работать и где полицейский, получающий сообщение о перестрелке с использованием пулеметов и гранатометов, должен сначала прийти в себя. Нельзя недооценивать иракцев, их учили американцы. И хотя научили не всему – у них перед американцами есть одно критически важное преимущество. Нет правил, зато есть готовность идти до конца...

Компаунд был окружен высоким забором в два человеческих роста, поверху была пущена проволока, и судя по изоляторам – электрический ток. Пройти такой забор чисто и тихо, ничего не взрывая, было невозможно, но это и не было нужно. Тот, кто проектировал забор как часть системы безопасности компаунда, допустил серьезную ошибку, даже две. Первая – основные ворота. Большие, мощные, крепкие, способные остановить даже грузовик, но при этом на воротах не было караулки, не было вооруженной охраны, они были автоматическими. Возможно, расчет был на то, что перед забором будет стоять вооруженная полицейская машина, но ее сейчас не было. И ворота оказались без охраны. Второе серьезное упущение: кроме основных ворот были и вторые, запасные, непонятно зачем, каждые ворота – это дыра в системе безопасности, требующая постоянного присмотра. Скорее всего, это были ворота для прислуги, об этом говорило хотя бы то, что они были узкими и низкими – даже для невысоких в общей массе иракцев, чтобы пройти эти ворота, надо было пригнуться. Как известно, нет худшего хозяина, чем бывший раб, а Салем бин Тикрити был как раз бывшим рабом Саддама. И нет более спесивого и жалкого человека, чем тот, который наголодался в детстве: получив все, он никак не может наесться...

Штурмовая группа подошла к воротам, один из бойцов достал устройство размером с компьютер – наладонник, провел им сначала по двери, потом по стене. Это было многофункциональное устройство, разработанное израильскими учеными, основной его задачей было видеть через стены, не вскрывая помещение, определять, есть ли там люди, сколько их и где они. Устройство работало на комбинации рентгеновских лучей и еще чего-то. Но дополнительно оно могло обнаружить работу многих видов систем безопасности. А они тут могли быть. Впрочем, ветер и дождь помогали штурмовой группе и здесь, если тут и были электронные системы безопасности, например, датчики движения, сегодня они наверняка были отключены или загроулены. Иначе охране пришлось бы каждые пять минут выскакивать на улицу, реагируя на ложные сработки.

Боец убедился, что за забором чисто, хлопнул по плечу своего напарника, который должен был вскрывать дверь.

Дверь можно вскрыть разными способами, лучший из которых – отмычкой или ключом. Можно взорвать ее зарядом ВВ или выбить бронетранспортером – каждый из тех, кто сейчас выстроился в цепочку у забора, видел, как это делается, и сам делал это не раз. Но самый простой способ – отмычка – отпадал, так как иракцы поставили на эту дверь самый лучший замок в мире. Толстую, массивную щеколду, которая закрывается изнутри и которую не сдвинуть просто так с места. Следовательно, никакими отмычками дело было не решить...

Тот же боец, который просвечивал дверь и забор, снова приблизился к двери, начал водить по ней своим аппаратом. Обозначил две точки, нарисовав на этих местах двери небольшие круги маркером, который используют подводники при прокладке газопроводов и ремонте буровых вышек. Отступил, и второй боец прикрепил небольшие кумулятивные заряды как раз в тех двух местах, где к двери были приварены ушки под щеколду. Поверх наложил два куска толстого пористого материала для уменьшения шума и исключения разлета осколков. Впрочем, ветер завывал голодным зверем, во дворе сейчас вряд ли кто-то есть, и услышать взрыв в доме вряд ли услышат...

– Бойся!

Ветер унес два негромких хлопка.

Боец приблизился и толкнул дверь. Она не поддавалась. Навалился сильнее, и щеколда не выдержала, глухо ударившись о бетон...

– Вперед!

Они просочились на территорию компаунда, рассыпались и залегли, ожидая огня в их сторону. У них не было плана компаунда, благодаря помогающим им полицейским-коммунистам, они знали, где что находится, знали, сколько человек может быть в компаунде, где стоит

техника, но вот точного плана у них не было. Не знали они и о том, где находятся заложники. Все это было большой, дурно пахнущей авантюрой – вместо борьбы с терроризмом нападать на дом местного начальника полиции. Хорошего тут было только одно – если тут и нет заложников, вряд ли боевики воспримут нападение на полицейский компаунд как провалившуюся операцию по освобождению заложников. И то ладно...

Они лежали в холодной грязи, которую нанесло на бетон ветром и дождем, но в них никто не стрелял. Во мгле желтыми шарами светились окна...

– Разбиться на пары... – негромко приказал Брат. – Серый, Лузга – в мехпарк, минировать машины...

Бойцы исчезли в темноте...

Рахману Хассани не спалось...

О Аллахе, с тех пор, как его перевели сюда, ему все время не спалось...

Рахман Хассани не был зверем, убийцей, монстром – как не были ими и все те, кто жил с ним в одной казарме и представлял собой личную гвардию бин Тикрити. Он не испытывал удовольствия, когда его посылали похищать, убивать, вымогать деньги у бизнесменов. Но он это делал. Потому что вся жизнь наша в руках Аллаха и у каждого в ней свой путь...

Когда пришли американцы, Рахману Хассани было шестнадцать лет, и он готовился служить в армии. Его брат служил – и не просто в обычных, пехотных частях, а в дивизии Таваккална, элитной дивизии Республиканской гвардии Ирака. Поэтому их семью уважали в городе, а сам Хассани гордо говорил, что тоже будет служить Великому Саддаму.

Осенью две тысячи второго входивший в Таваккалну полк, в котором служил его брат, перебросили на самую границу, и тогда Ареф получил возможность часто бывать дома. Они тогда часто ходили по берегу реки. Брат рассказывал о том, что происходит в Багдаде, о том, какой Багдад красивый город. О том, как хорошо служить в армии своей стране, своему народу и Саддаму, и о том, как они отомстят за унижение девяносто первого года, как снова захватят Кувейт, который всегда был и будет иракским, и как вышвырнут американских и английских собак с арабской земли.

Потом началась операция «Свобода Ираку», и британские и американские войска меньше чем за два месяца взяли Багдад. Тогда же был первый тур боев за Басру, Рахман тоже в них участвовал, но остался жив, и британские военные, прочесывающие город, не заподозрили, что он один из тех, кто стрелял в них. Тогда все были несколько беспечны.

Брат появился через два месяца. Оборванный, рваный, грязный, в гражданской одежде и без оружия. Оружие было дома. Рахман подобрал его во время боев. Два автомата и несколько гранат. Брат похвалил его и закопал оружие недалеко от дома. Потом британцы начали устанавливать свои порядки в городе, объявив набор в полицию. И брат пошел в полицию.

В этом не было предательства в том смысле, в каком его понимают иностранцы, американцы. Они вообще ничего не понимают в Востоке. Они служили Саддаму, они верили Саддаму, они восхищались Саддамом, они боготворили Саддама, пока он был сильным и подтверждал свою силу делами и словами. Как только Саддам показал себя трусливым лгуном, он обещал вышвырнуть американцев из Кувейта, а на самом деле это американцы вышвырнули его из Багдада, он утратил в глазах народа право называться диктатором. Просто потому, что он слаб. Как может быть вождь слабым? Раз он слабый, значит, он не имеет права быть вождем. Раз американцы такие сильные, пусть они будут нашими вождями.

Но американцы тоже показали свою слабость очень быстро, почти сразу...

Британцы разрешили открыть мечети. Саддам не то чтобы запрещал, но к любым проявлениям истинной веры, истинной не в смысле ислама, а в смысле, когда человек действительно верит, а не притворяется, относился очень осторожно.

В мечетях появились новые муллы – многих из них до этого никто и никогда не видел. У них были деньги, и они распределяли их среди бедняков-иракцев. Но не просто так. А в качестве платы за обстрелы, нападения, теракты. Платили за убитого американского солдата, за подорванную на дороге машину.

Если бы американцы и британцы в ответ взорвали все мечети и убили мулл – они бы правили Ираком. Но они этого не сделали. Проявили слабость...

Рахман не вступил в террористическое подполье по двум причинам. Первое – они придерживались шиитской веры, а воду мутили в основном сунниты. Второе – его брат погиб в две тысячи шестом во время массового нападения боевиков на город.

К тому времени террористическая война уже шла вовсю, британцы и американцы понимали, что не справляются. Остро требовались проверенные, надежные люди среди иракцев, хоть сколько-то. Кто-то подсказал, что можно брать в полицию тех, у кого родственники погибли от рук террористов. Они будут не просто «отбывать номер», а мстить. Поэтому в один прекрасный день у дома Рахмана остановились две машины, американский «Хаммер» и полицейский пикап, и несколько улыбающихся американцев (один даже с телекамерой) долго говорили с Рахманом, убеждая его стать полицейским. Тот согласился, а чем еще заниматься?..

Он прошел полицейскую школу, но так как у него не было влиятельных родственников и нечем было заплатить, его почти сразу послали на дополнительную подготовку в спецназ. Он назывался Basra SWAT, его готовили американские инструкторы намного дольше, чем обычных полицейских, и они были вооружены не АК-47, а американским оружием. Правда, в SWAT всегда отправляли не лучших, а худших. Объясняю почему, все очень просто. Патрульный полицейский, отвечающий за ту или иную улицу, имеет возможность и кормиться на этой улице, собирая деньги с торговцев. А что, думаете, кто-то будет за жалованье работать – нашли дураков! А вот SWAT – им как раз и негде заработать: то в казарме, то на тренировках, то на операциях, причем таких опасных, что пулю получить раз плюнуть. Вот и шли в спецназ те, кого выпихнули с улицы. Еще шли вот зачем: в SWAT ты знакомился с американскими инструкторами и после получения кое-какого опыта мог рассчитывать на рабочее место в одной из американских частных военных компаний. А там деньги, и неплохие. Не знаю, как по американским меркам, но по иракским точно неплохие...

Потом пришел новый начальник полиции и все изменил.

Во-первых, он упорядочил процесс сбора денежной наличности. Теперь с каждого торговца брали не на глазок и не сколько вздумается, а строго определенную плату в строго определенные дни, причем только деньгами, не продуктами, не вещами, а деньгами. Во-вторых, если раньше полицейские делились только со своим непосредственным начальником – командиром полицейской бригады, а начальнику полиции города «заносили» только на день рождения, если надо было продвинуться по службе или скрыть то или иное должностное преступление, то теперь отстегивать надо было регулярно, раз в две недели, по строго установленной таксе. Выражаясь суконно-бюрократическим языком, за общее покровительство и попустительство по службе. В-третьих, SWAT стали личной гвардией нового начальника полиции города, правда, задания стали немного другие. Исламистам тоже стали доставаться какие-то деньги и от американцев, и от полиции, сколько – никто не знал, но, наверное, достаточно. И исламисты прекратили свои дикие выходки, теперь если подрывали бомбу у харчевни или магазина, то это значит, что хозяин отказывается платить, только и всего. Опасных операций стало намного меньше, теперь брали только «дикие» группы, причем сливали их зачастую сами же исламисты, те, что были «в доле». Остальное же время занимались другими менее опасными и более денежными делами. Проводка караванов в обе стороны от ирано-иракской границы. Охрана нефтяных приисков и месторождений. Конвоирование и охрана богатых иностранцев,

которые приезжали в Басру по делам. Проводка особо важных конвоев. Деньги совсем другие, и риска меньше. Бин Тикрити платил и британцам, и американцам, и они брали с радостью²⁸.

Потом американцы и британцы ушли, и бин Тикрити с его гвардией стал полноправным хозяином Басры. Если при американцах он себе многое не позволял, то теперь можно было все.

Прежде всего он учредил частную охранную компанию и взял самые выгодные подряды. Раньше он опасался связываться на этой ниве с американцами, потому что в частных военных компаниях было полно выходцев из ЦРУ и войск специального назначения, они имели хороших друзей и могли очень сильно надавить на рычаги... а путь от простого полицейского-коррупционера до пособника боевиков очень короток. Но сейчас Ирак принадлежал иракцам, в Багдаде он кому надо занес за продолжение службы, и надо было отбивать деньги. После нескольких профессиональных, кровавых нападений на эскортируемые американцами конвои и одной кровавой разборки в басрских болотах с иностранными контрактниками Рахман участвовал и в том и в другом, американцы поняли, что ловить тут нечего. И «хлебная» дорога Кувейт – Басра – Багдад теперь принадлежала им, американцы если и оставались, то на подхвате. Или хочешь – работай, но отстегивай долю.

Потом бин Тикрити на пальцах объяснил и руководству нефтяных компаний, работающих в его зоне ответственности, кому, сколько и за что надо платить. Первыми поняли русские – у них, видимо, так же было, вопросов не возникло – надо так надо. Последними поняли норвежцы, после того, как у них несколько человек зарезали.

Рахман Хассани всегда был рядом с начальством, делал то, что говорят, и показал себя неплохим командиром. В разборке на болотах он лично убил двоих, в том числе и бывшего своего инструктора, который опознал его. Поэтому его подняли и поставили «смотрящим» за приисками. Деньги получали другие, а он смотрел, чтобы не происходило ничего плохого, чтобы на прииски не залетали всякие отморозки, чтобы не воровали больше положенного, чтобы не было никакого лиха. Это у него получалось – никаких нареканий к нему не было.

Ситуация в стране была сложной. Шииты взяли власть, но это не нравилось суннитам, и самое главное – не нравилось проклятым собакам саудитам, узурпаторам ислама. Постоянно через границу пытались перебираться боевики, гремели взрывы. Правда, в Басре почти никогда такого не было, и дело не в том, что здесь абсолютное большинство – шииты, совсем не в этом. А дело в том, что бин Тикрити вышел на руководство иракской «Аль-Каиды» и «Шуры моджахеддинов Ирака» и пообещал в ответ на теракты в Басре устроить геноцид суннитов. И к нему прислушались, потому что знали – у бывшего полковника Саддамовской охраны за этим ни разу не заржавеет. Тем не менее работы у Рахмана и его людей было много – граница-то рядом, и кувейтская, и саудовская. Они вылавливали отморозков и чаще всего просто расстреливали и спускали в реку Шатт аль-Араб. Рыбам тоже чем-то надо питаться...

Потом бин Тикрити вызвал Хассани и приказал ему расстрелять из засады конвой и украсть русских нефтяников.

Рахман не понял, для чего это было нужно, но понял, что все это неспроста. Это было глупо, даже он это понимал – рушить сложившийся порядок вещей, где каждый знает, какая его доля, и получает ее. Они были живы, они были в доле только потому, что устанавливали порядок. Деньги идут туда, где порядок, это аксиома. Они не отморозились, они устанавливали порядок. Каждый торговец знал, кому и сколько надо дать, чтобы спокойно торговать. Каждая нефтяная, строительная компания знала – куда и сколько надо перечислить, чтобы их по-настоящему защитили от всяческих неурядиц. Это были понятные, прогнозируемые издержки, которые легко вписываются в конечную цену. Намного лучше, чем если у тебя сожгли на дороге

²⁸ Коррупции ничуть не меньше, и подношениям и американцы, и британцы очень рады. Живут они не так богато, как думается, а наличные деньги можно не вносить в налоговую декларацию. Государство от доходов откусывает чуть ли не половину, так что считайте...

машину с товаром, купленную на последние деньги, или взорвали нефтяную вышку за десяток-другой миллионов долларов. Они даже помогали торговцам, ставшим жертвами ограблений и краж, ведь если человек не встанет на ноги, не продолжит торговать, платить он тоже не будет, верно?

И люди знали это. Люди были благодарны.

А тут совершенно отмороженное деяние, нарушающее весь сложившийся порядок вещей...

Рахман видел, что и его начальнику тоже все это не по душе. Видимо, на него надавили, да так, что даже он, имеющий под своим началом тысячи вооруженных и имеющих право законно применять оружие, ничего не мог с этим поделать. Когда бин Тикрити отдавал приказ, он был весь серый, и от него сильно пахло харамом. А когда Рахман не нашел чего сказать и просто стоял навтыжку, бин Тикрити разозлился, заорал на него: «Пошел вон, сын шакала!» – и бросил в него папкой с документами. Никогда раньше такого не было.

Рахман вернулся домой, он купил большой дом себе, выдал замуж обеих сестер, отремонтировал дом родителей, и все благодаря работе в полиции. Но сейчас он чувствовал – плохо дело. Он позвал жену, дал ей денег, сказал забрать детей, машину и уезжать к себе на родину, в Мосул, прямо сейчас. Жена побледнела, но взяла деньги и ничего не сказала. Она была правильного воспитания и знала, что все должен решать мужчина.

Потом Рахман собрал своих людей, и они сделали то, что было приказано. Они надели маски, когда брали автобус, и нефтяники не видели их лиц, они просто не поняли, что это настоящие полицейские. А американские контрактники узнали их, но до самого последнего момента не думали, что спецназовцы откроют по ним огонь. Рахману было не по себе от этого, и как только американцы стали отходить, бросая автобус, он приказал прекратить огонь. Хотя дальше на дороге стояла машина с ДШК, и если бы он хотел – из американцев не ушел бы никто.

Они привезли заложников прямо в дом к бин Тикрити и засели там. Обеспокоенный Рахман приказал выставить на позицию на крыше пулемет ДШК – на случай, если американцы прилетят на вертолетах, и разместил у дверей закладки с ракетными установками РПГ. Если вертолеты зависнут над компаундом, выпуская спецназ, бойцы смогут сопротивляться, запустив ракеты РПГ. Больше он ничего сделать не мог.

Потом бин Тикрити позвал его снова к себе и дал новое задание, еще хлеще, чем первое. Надеть на себя трофейные шмотки суннитов, развернуть черный флаг джихада и отрезать голову русскому. И записать все это на видео. Рахман сделал и это, но с тех пор окончательно потерял покой. Все это было очень, очень плохо. Хотя бы потому, что тех, кто замешан в таких делах, убивают как свидетелей. Значит, могли убить его и его людей. Каждый день он думал, как соскочить со всего этого.

Бин Тикрити привез им харам, и Рахман поставил его себе под кровать в казарме, которая была оборудована в личном компаунде начальника полиции, выдавая столько, сколько надо, чтобы снять стресс и не опьянеть. Но высчитать нужную дозу было сложно: например, вчера между его людьми произошла драка. Запертые в четырех стенах спецназовцы все меньше поддавались контролю.

Рахман лег спать рано – на улицу было не выйти, налетел хамсин, но через четыре часа проснулся, сам не зная от чего. Сердце колотится, холодный пот на коже и ощущение несправедливого...

Он машинально протянул руку вправо. Рука коснулась автомата МК18, которые им передали американцы, не такого надежного, как АК, но очень удобного в бою в помещении...

Прикосновение к ребристому металлу автомата немного успокоило...

Он прислушался. Окна были закрыты ставнями... иначе их могло бы выбить ветром. Похоже, что ветер приутих, но шел дождь. Сильный дождь, ветром притянуло дождевые тучи

с залива, и несколько дней город будет тонуть в грязи. Может быть, даже наводнение будет. Все было как обычно – храп, шум дождя, вонь пота, грязной ткани и смазки. И все же что-то было не так...

Рахман поднялся с кровати. Повесил на плечо автомат, он давно сменил стандартные, тридцатипатронные магазины на сорокапатронные, да еще сцеплял их сцепками. Потому он не взял разгрузку – восьмидесяти патронов хватит в охраняемом компаунде. Да и что может произойти? Ведь лучшая защита – это не автомат, это – авторитет. И только если пришли американцы... Для них нет авторитетов, и Рахман знал, какими жестокими они могут быть, когда надо...

Стараясь ступать тише, он вышел в коридор. Прислушался – все нормально. Пошел дальше... Оружие он просто держал под рукой, а не в руках.

Потом он услышал, как что-то хлопнуло. Нахмурился, взял автомат в руки... Американцы научили его ничему не доверять, обращать внимание на каждую мелочь, переворачивать любой камень, под которым может быть змея. Он хорошо запомнил уроки...

Дальше коридор делал поворот, и он увидел какой-то отсвет на стене. Непонятно какой, но это его насторожило еще больше. Потому он взял автомат в руки и снял с предохранителя. Русский автомат хорош, но у него есть один большой недостаток – предохранитель громко щелкает, предупреждая противника. Американский автомат можно переключить в боевой режим бесшумно.

Он не стал выкатываться из-за угла и делать всяческую подобную хрень в стиле американского Рэмбо, у него было кое-что получше. Австралийская насадка CEU к шведскому прицелу Aimpoint, она давала неоценимые преимущества в ближнем бою, поскольку позволяла смотреть в прицел, выставив автомат за угол. Так он и сделал, готовый стрелять в любой момент.

И увидел незакрытую дверь.

Незакрытая дверь могла значить все что угодно, например то, что кто-то забыл ее закрыть. Потому что напился харама. Или еще что-то. Главное – он посмотрел вниз и не увидел грязных разводов на полу, которые сказали бы ему, что кто-то вошел в здание с улицы, во всей грязи. Не было их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.